

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2004

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ
3. «ОПЫТ И БУДУЩЕЕ»,
4. МЫШЕЛОВКА
5. НА УЛИЦЕ ИОТЕЙКО
6. АНДЖЕЙ ДРАВИЧ — ЖИВОЙ И СВОБОДНЫЙ
7. ТАЛИСМАНЫ НЕТОРОПЛИВОГО ПРОХОЖЕГО
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
9. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Польки! Поляки! Европейцы! Добро пожаловать в объединенную Европу!» — сказал президент Александр Квасневский, обращаясь к нескольким тысячам человек, участвовавших в церемонии поднятия флага ЕС в Варшаве. 1 мая в 0 часов 00 минут Польша стала членом Европейского союза. («Жечпосполита», 4 мая)
- В своем выступлении по случаю 213 й годовщины принятия конституции 3 мая президент Александр Квасневский сравнил два исторических момента — принятие конституции в 1791 г. и вступление Польши в Евросоюз: «Общие чаяния, объединившие нас несмотря на все противоречия, привели нашу страну к цели». («Жечпосполита», 4 мая)
- «Через 15 лет после июня 89 го лидер «Солидарности» был почетным гостем на первом заседании парламента расширенного Евросоюза. Взволнованный Лех Валенса рассказывал о долгом пути Польши в Европу: «Мы выполняем завет предыдущего поколения. Рухнули Советский Союз и Варшавский договор. Главные препятствия смела польская «Солидарность» и солидарность международная. Неслучайно флаги новых государств-членов были подняты на флагштоки, сделанные на Гданьской судоверфи» — в колыбели «Солидарности». («Газета wyborча», 4 мая)
- Кардиналы, архиепископы и епископы, собравшиеся на 326 й пленарной сессии Конференции Епископата Польши приняли два документа: «Обращение польских епископов по случаю принятия Польши в Европейский союз» и «Призыв к ответственности за будущее Польши и Европы перед лицом вступления Польши в Европейский союз». В первом документе, в частности, говорится: «Наше вступление в Евросоюз поддержало подавляющее большинство поляков (...) Без включения в процесс реинтеграции, который сегодня приобретает глобальный характер, Польша была бы обречена на неизбежную изоляцию». Во втором епископы пишут: «Найдется немало политиков, которые будут соблазнять пустыми обещаниями и рецептами легкого счастья. Нельзя позволить им сбить себя с толку. Короткого пути к благосостоянию и социальной гармонии не существует (...) Мы

обращаемся ко всем верным и ко всем людям доброй воли, чувствующим себя ответственными за отечество и его достойное место в объединяющейся Европе, с призывом принять участие в грядущих выборах наших представителей в Европейский парламент. Мы призываем не только участвовать, но и избирать таких представителей народа, которые смогут трудиться на благо Польши, Европы, а также Церкви». («Газета wyborча», 17-18 апр.)

• Из интервью с президентом Александром Квасневским: «Кто в 1989 г. мог хотя бы предположить, что в 2004 м Польша будет членом ЕС и НАТО, что у нее будет конституция, 6 процентный экономический рост, конвертируемый злотый, полуторапроцентная инфляция, открытые границы, свободная печать и дружественные отношения со всеми соседями? Это была political fiction. Между тем все это сбылось. Польские реформы принесли результаты (...) Конечно, своими сертификатами и принципами Евросоюз лишает нас части суверенности — вот и хорошо, что мы лишимся суверенного права на неряшливость, грязь, нарушение прав потребителя, низкое качество продуктов и т.д. (...) У нас общие стандарты: прав человека, отношения к национальным, религиозным и сексуальным меньшинствам, прозрачности власти и предпринимательства, хороших дорог, качества услуг и продуктов питания (...) С 1989 г. до середины 90 х Польше удавалось сохранить численный перевес группы, черпавшей выгоды из преобразований, над группой разочарованных. После спада конъюнктуры группа людей, чувствующих себя проигравшими, начала расти. После 2001 г. проигравшие возобладали, что привело к развитию популистских движений (...) Но вот пришла пора небывалого экономического роста. Уровень безработицы начал снижаться. Уже вскоре мы сможем пользоваться средствами Евросоюза — особенно предназначенными на нужды деревни». («Газета wyborча», 30 апр. — 3 мая)

• По данным опроса института исследований общественного мнения и рынка «Пентор», 67% поляков считают, что решение об интеграции с Евросоюзом — правильное или по крайней мере лучшее из возможных. 53% высказываются за все более тесную политическую интеграцию государств-членов ЕС. («Жечпосполита», 26 апр.)

• В день вступления Польши в Евросоюз в центре Гожува-Велькопольского будет открыт первый в Польше памятник бомжу. Увековеченного в бронзе Шимона Гентого на самом деле звали Казимеж Внук (1914-1998). В 1960-70 е гг. он собирал

металлолом, бутылки и макулатуру. Каждый год Гентый, считая, что представляет частную инициативу, нелегально протискивался в колонну первомайской демонстрации и вместе со своей неразлучной тележкой шествовал перед трибуной. Милиция поднимала переполох, а простые зрители и прохожие аплодировали. Год назад был создан Общественный комитет по установке памятника Шимону Гентому, а жители Гожува поддержали эту инициативу своими пожертвованиями. Скульптура, представляющая Шимона Гентого, толкающего тележку с газовой плитой, будет открыта 1 мая одним из бездомных, живущих в приюте им. св. брата Альберта. (*«Газета wyborча»*, 23 апр.)

- 18 президентов и премьер-министров (главным образом из стран Центральной и Восточной Европы) и почти две тысячи предпринимателей дискутировали о будущем континента на прошедшем в Варшаве трехдневном Европейском экономическом саммите, главным организатором которого был Всемирный экономический форум. (*«Тыгодник повсехный»*, 9 мая)

- «Впервые вместе съехалось столько лидеров стран Восточной Европы. На варшавском саммите ни у кого нет сомнений, что расширение Евросоюза напрямую касается России. [Однако] российская делегация не слишком многочисленна. «Преобладает прежде всего бизнес. Это не пощечина Варшаве, а признак низкого интереса. Москва не очень хорошо понимает стратегическое значение расширения Евросоюза», — сказал Дмитрий Тренин, заместитель директора Московского Центра Карнеги». (*«Жечпосполита»*, 29 апр.)

- Президент Украины Леонид Кучма: «Одному Богу известно, что будет дальше. Украина находится в самом трудном положении. У нас есть своя стратегия сближения с Европой, но было бы хорошо, если бы и Европа помнила об Украине». Президент Александр Квасневский призвал поддержать европейские чаяния Украины: «Главной идеей нашего форума должна стать констатация, что двери в Евросоюз будут оставаться открытыми для других, что политика благоразумного расширения ЕС будет продолжаться». (*«Жечпосполита»*, 30 апр. — 3 мая)

- «Город вымер. С улиц исчезли прохожие, витрины большинства магазинов, банков и ресторанов забиты досками. Опущены металлические шторы. По столице кружат призрачно пустые автобусы и трамваи (...) В некоторых местах полицейских было больше, чем прохожих. Варшава в

напряжении ожидала столкновений с альтерглобалистами». («Жечпосполита», 29 апр.)

• «Не в войну с полицией, как опасались многие, а в большой хеппенинг вылилась демонстрация альтерглобалистов в центре столицы. На улицы города вышло около трех тысяч манифестантов — в основном молодых. Не было зарегистрировано ни одного инцидента. Все это напоминало скорее один из популярных в последнее время парадов музыки техно, чем политическую манифестацию (...) Меры предосторожности оказались излишними. Мирные демонстранты прошли, в частности, невдалеке от гостиницы «Виктория», где заседали участники встречи в верхах, мимо зданий Польского национального банка и министерства финансов и завершили свой марш перед канцелярией премьер-министра». («Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)

• Древесно-стружечную плиту, фанеру и пенопласт, использованные для защиты витрин и окон во время манифестации альтерглобалистов, хозяева ресторанов, торговых пассажей, магазинов и гостиниц передали обществу «Эмпатия» («Сочувствие»). Из этих материалов будут построены убежища для животных в приюте в Корабевицах. Идея этой акции принадлежит волонтеру приюта, члену общества «Эмпатия» Цезарию Вышинскому. («Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая и 5 мая)

• Частный приют в Корабевицах создала 25 лет назад Магдалена Шварц. В нем живут несколько сот собак, несколько десятков кошек, полтора десятка лошадей, три коровы, волчица и шесть медведей — пять бурых и один гималайский. Приют существует за счет денег хозяйки и пожертвований. («Газета wyborча», 19 апр.)

• Согласно последнему отчету главного ветеринара, в приютах, дотируемых местной администрацией, живут почти 4 тыс. кошек и более 18 тыс. собак. Ежегодно умирает или усыпляется 41% кошек и 20% собак. К новым хозяевам попадает только каждая вторая собака и каждая четвертая кошка. 7% собак и 20% кошек подвергаются кастрированию. Судьба кошек в приютах особенно трагична. Они переживают депрессию, в результате чего легко заражаются болезнями, которые в условиях приюта становятся смертельными. В польских приютах вообще нет условий для содержания кошек. («Газета wyborча», 4 мая)

• Роджер Грейв, директор бюро Всемирного банка для стран Центральной Европы и Балтии: «Польша была примером

успешных преобразований (...) Сейчас поляки пытаются справиться с несколькими очень серьезными проблемами, вытекающими из польской экономической стратегии, которая включает в себя ограничение государственных расходов, реформу здравоохранения и угольной промышленности, а также крупные проекты по развитию инфраструктуры. Все это очень трудно осуществить (...) Теперь стало ясно, что ваша экономика возрождается. К сожалению, это происходит не в результате глубоких структурных реформ». («Жечпосполита», 15 апр.)

- Ян Кшиштоф Белецкий, президент банка «Пекао», бывший премьер-министр: «Наша экономика напоминает разогнавшийся самолет, в котором пилоты спорят, кто будет рулить». («Ньюсуик-Польша», 3 мая)

- В январе объем продаж польских предприятий в страны ЕС в пересчете на евро увеличился на 9% по сравнению с январем прошлого года. Поскольку за это время объем польского импорта из стран ЕС не изменился, дефицит в торговле с Евросоюзом удалось уменьшить почти наполовину: с 700 млн. евро в январе 2003 г. до 400 миллионов в январе 2004 г. Польские предприниматели увеличивают производительность в два раза быстрее, чем их конкуренты из стран 15 ти. Значительную роль в развитии польского экспорта играют иностранные предприятия. Они производят более половины всех экспортируемых товаров. («Жечпосполита», 22 апр.)

- Согласно аналитическим исследованиям Европейской комиссии, после вступления Польши в Евросоюз доходы жителей польской деревни возрастут в среднем на 35%. Уже в этом году на каждый гектар сельскохозяйственных угодий крестьяне получают около 500 злотых дотаций — отсюда увеличившийся в последние месяцы спрос на земельные участки. («Тыгодник повшехный», 2 мая)

- В первом квартале темп роста ВВП составил около 6%. Это заслуга промышленности, которая в марте увеличила объем продаж на 23,8%, а с начала года — на 19%. Изменения к лучшему по-прежнему происходят главным образом за счет увеличения экспорта. Однако экономисты подчеркивают, что эти изменения не были бы столь заметными, если бы не оживление на внутреннем рынке. («Жечпосполита», 21 апр.)

- После вступления Польши в Евросоюз каждый продукт, произведенный в государствах ЕС и имеющий знак СЕ (соответствие европейским нормам, подтвержденное положенными документами), получит свободный доступ на

польский рынок. Такие продукты будут продаваться без проведения дополнительных тестов и не будут нуждаться в сертификатах, разрешениях и свидетельствах. («Политика», 1 мая)

- С 1 мая начала работать строительная полиция, контролирующая магазины и фабрики стройматериалов, а также стройплощадки. Инспекторы этой полиции должны оберегать нас от волны дешевых подделок и низкокачественных материалов сомнительного происхождения. («Политика», 1 мая)

- «Польша не более коррумпирована, слаба и подвержена угрозе преступности, чем большинство других европейских стран. Проблема заключается в том, что в этом не уверены сами поляки, а польские умники и заграничные журналисты почти ежедневно убеждают их в обратном (...) Кто поверит, что показатели раскрываемости преступлений у польской полиции гораздо лучше, чем у голландской или французской? Кто сознаёт, что в Польше вероятность быть убитым значительно ниже, чем в Голландии, Франции и Германии? Или что в Великобритании машины угоняют чаще, чем в Польше? В чем заключается суть «аферы Рывина»? В неудавшейся попытке дать взятку, раскрытой СМИ и впервые расследованной специальной комиссией Сейма. Это повод скорее гордиться эффективностью демократии и государства, чем писать депрессивные комментарии». (Клаус Бахман, «Политика», 24 апр.)

- Варшавский окружной суд признал кинопродюсера Льва Рывина виновным в мошенничестве, ибо обращаясь с коррупционным предложением к Ванде Рапачинской и Адаму Михнику, он назвал себя посланцем премьер-министра Лешека Миллера. Рывин приговорен к 2,5 годам лишения свободы и штрафу в размере 100 тыс. злотых. Приговор не был вынесен единогласно и еще не вступил в законную силу. («Жечпосполита», 27 апр.)

- «Год назад немногие могли предположить, что приговор по делу о самом шумевшем взяточническом скандале последних лет будет вынесен одному только Льву Рывину. На глазах тысяч телезрителей следственная комиссия Сейма приперла к стенке Роберта Квятковского (бывшего директора Польского телевидения) и Александру Якубовскую (бывшего замминистра культуры, а затем начальника канцелярии премьер-министра Лешека Миллера), обнаружила серьезные противоречия в показаниях Янины Соколовской (начальника юридического отдела Всепольского совета по делам

телевидения и радиовещания) и распутала следы, оставленные при работе над дополнениями к закону о средствах массовой информации Влодзимежем Чажастым (секретарем Всепольского совета по делам телевидения и радиовещания). Для прокуратуры и суда всего этого было мало». (Луиза Залевская, «Жечпосполита», 27 апр.)

- Прокуратура прекратила следствие в отношении депутата «Самообороны» Дануты Хоярской, подозреваемой в сокрытии истины при заполнении имущественной декларации. По мнению прокуратуры, поступок Хоярской нанес обществу незначительный ущерб. «Это прекращение дела равнозначно утверждению, что в имущественной декларации можно писать неправду. Когда публичное лицо, депутат Сейма, скрывает истину, обществу наносится огромный ущерб», — говорит Гражина Копинская, директор программы «Против коррупции», осуществляемой Фондом им. Стефана Батория. («Жечпосполита», 23 апр.)

- Депутат Роман Ягелинский — лидер Федеративной парламентской фракции, объединяющей депутатов, исключенных из других фракций за скандалы или пьянство. В обмен на должности он поддерживает «Союз демократических левых сил» (СДЛС). («Впрост», 9 мая)

- Проф. Томаш Наленч, до недавнего времени вице-маршал Сейма: «В раздираемом противоречиями Сейме решающую роль играют уголовно преследуемые депутаты. Вместо того чтобы стыдиться своих действий, они требуют щедрого вознаграждения [в виде должностей]. Каждый, кто пренебрегает этической стороной дела и пытается договориться в Сейме с уголовно преследуемыми депутатами, берет на свою совесть подрыв авторитета государства. И никакой экономический рост, даже стопроцентный, не сделает эту ситуацию хоть чуть-чуть более моральной». («Впрост», 9 мая)

- «В Литве, Польше, Чехии и Венгрии есть серьезные политики, против которых ведутся судебные процессы или по крайней мере следствия прокуратуры, и это никак не влияет ни на их политику, ни на их популярность (...) Почему эта черта столь характерна для молодых демократий, возникших на руинах социалистического лагеря? В этих странах свершилась общественная революция невиданного масштаба (...) После революции всегда приходит время негодяев (...) Что с этим делать? Думаю, ничего не поможет до тех пор, пока каналы не научатся соблюдать правила приличия — что наверняка

произойдет, но не раньше, чем через каких-нибудь двадцать лет». (Мартин Круль, «Тыгодник повсехный», 2 мая)

- Из доклада Петра Корыся «Безнаказанность политического класса. Конфликты интересов, коррупция, правонарушения и политическая ответственность в Третьей Речи Посполитой», подготовленного по заказу Фонда им. Стефана Батория, следует, что политические партии неохотно требуют объяснений от своих членов, замешанных во взяточнические аферы. Отрицательные герои общественной жизни часто сохраняют свое политическое влияние. («Жечпосполита», 14 апр.)

- Согласно опросу, проведенному институтом исследований общественного мнения и рынка «Пентор», в настоящее время «Самооборону» поддерживают 30% поляков, «Гражданскую платформу» — 27, «Право и справедливость» — 10, «Лигу польских семей» — 7, коалицию СДЛС и «Унии труда» — 6, «Польскую социал-демократию» — 4, крестьянскую партию ПСЛ — 4, Всепольскую партию пенсионеров — 3 и «Унию свободы» — 2%. Проходной барьер для партии составляет 5%, для межпартийной коалиции — 8%. («Жечпосполита», 23 апр.)

- Деятели прокремлевской партии «Единая Россия» из Калининградской области подписали соглашение о сотрудничестве с варминско-мазурскими активистами СДЛС. Как сказал секретарь политсовета калининградского отделения «Единой России» Константин Поляков, теперь политики СДЛС могут рассчитывать на консультацию у российских коллег, как победить на выборах. По мнению Полякова, достаточно убедить избирателей в своей порядочности. («Ньюсуик-Польша», 3 мая)

- Стефан Братковский: «Это звучит почти парадоксально, но, согласно опросам, 70% нашего общества довольны своей жизнью. Довольны не только те, кому хорошо живется, но, как мне кажется, и люди, верящие в оздоровление государства, лучшее функционирование экономики и Евросоюз. Остальные 30% — это безработные (20%), погрязшие в долгах или парализованные бюрократией мелкие предприниматели, а также интеллигенты без перспектив трудоустройства. Это похоже на те времена, когда жертвы великого кризиса, взбешенные ощущением безнадежности, в США шли маршем на Вашингтон, а в Германии выбирали Гитлера. Если бы не Леппер [лидер «Самообороны»], на этой почве вырос бы какой-нибудь другой ловкий, пронырливый невежда или фашист». («Жечпосполита», 30 апр. — 3 мая)

- Депутат Войцех Мойзесович, бывший заместитель Анджея Леппера: «Как-то раз, когда я еще был в «Самообороне»,

разговаривал я с Леппером о том, каково оно будет, когда мы придем к власти. Он мне и говорит: «Чего там, посадим тысячу человек и поглядим». [После этого] я от Леппера ушел». (*«Газета выборча»*, 24–25 апр.)

• «Грубо говоря, проблему Польши, Литвы и Словакии можно свести к следующему: избиратели упрямо требуют невозможного. Они уже дали шанс и левым, и правым, и в результате разочаровались в тех и других. Теперь, чтобы наказать и тех и других, они готовы поддержать демагога. Объяснять, что он не вернет им ощущения «социальной безопасности», бессмысленно: хотя раздраженные избиратели и желают улучшения, они все равно в него не верят (...) Апатия и разочарование, дополненные ощущением, что терять уже нечего, сочетаются с желанием сделать верхам назло. Демагогия, с которой мы сегодня имеем дело, соблазняет скорее обещанием рассчитаться с политиками, не выполнившими своих предвыборных обязательств, нежели перспективой лучшего будущего. «Он им покажет!» — вот как чаще всего объясняют свой выбор сторонники Леппера. Вряд ли найдется кто-нибудь, кто скажет: «Он ликвидирует 20 процентную безработицу». Популярность «Самообороны» удерживается на том же уровне, что и популярность демагогов в других странах региона. Наша проблема кажется самой серьезной, потому что «нормальная» политическая сцена у нас раздроблена». (*Рафал Земкевич, «Ньюсуик-Польша»*, 25 апр.)

• «С «Самообороной» левых связывают не только тайные соглашения и стратегические союзы, но и схожее неприязненное отношение к перелому, совершившемуся в Польше благодаря «Солидарности», а также схожий нигилизм в политических повадках. Тот, кто слышал ложь левых политиков, оправдывавших свою причастность к очередным скандалам, видел в них то же презрение к правде, какое присуще Лепперу (...) «Самооборона» — это не мятеж бедных и отчаявшихся, как того хотели бы многие комментаторы. Это посткоммунистическая контрреволюция, которая наконец нашла подходящую личину и время». (*Бартломей Сенкевич, «Ньюсуик-Польша»*, 9 мая)

• Анджей Вайда: «Мне вспоминается одна сцена, диалог Верховенского и Ставрогина. [Ставрогин говорит]: «Откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно». Когда я вспоминаю эти слова, тайна Леппера проясняется. Кто, как не он, осквернил польский Сейм, силой захватив трибуну, доступ к которой охраняет польская демократия? Кто, как не он, безнаказанно поднял руку

на чужую собственность, высыпав на железнодорожные пути зерно, принадлежащее другим? Кто позволяет себе бесчестить священное избирательное право приписками фамилий в списках поддержки кандидатов? Не только русского — польского человека тоже легче всего увлечь за собой правом на бесчестье. «Рухнет балаган, и тогда мы подумаем, как бы поставить строение каменное», — говорит Петр Верховенский. Разве вождь в бело-красном галстуке не обещает во всех газетах и на всех телеканалах в точности то же самое?» («Тыгодник повшехный», 18 apr.)

- Проф. Иренеуш Кшеминский, социолог из Варшавского университета: «Несмотря на то что польское демократическое государство переживает кризис, основные правила демократии все же не нарушены, а антидемократические поползновения Леппера недостаточно сильны, чтобы поставить эти правила под угрозу. Деструктивной силы недостает и экс-коммунистам, которые оказались в большей мере коммунистами (...) нежели «экс»». («Ньюсуик-Польша», 3 мая)

- Согласно опросу ЦИОМа, по сравнению с мартом число поляков, заявляющих о своем доверии к Анджею Лепперу, уменьшилось на 12% и теперь составляет 41%. Недоверие к председателю «Самообороны» возросло на 14%, достигнув 44%. Самым большим доверием продолжает пользоваться президент Александр Квасневский — ему доверяют 67% поляков. За ним следует Лех Качинский (45%), а третье место с 44% доверия занимает Ян Рокита. («Газета wyborча», 27 apr.)

- По данным опроса института исследований общественного мнения и рынка «Пентор», поляки хотели бы, чтобы более заметную роль в общественной жизни играли: Иоланта Квасневская (58% голосов), Александр Квасневский (57%) и Марек Боровский, до недавнего времени маршал Сейма, основатель новой партии «Польская социал-демократия» (53%). Анджей Леппер занял 12-е место, получив 31% голосов. («Впрост», 18 apr.)

- Иоланта Квасневская: «Я решила не участвовать в президентских выборах. При такой политике, при таких ее формах, какие господствуют в Польше, я не вижу для себя места. Я не понимаю такой политики. По образованию я юрист, и я не смогла бы приложить никакую из известных мне моделей политики к тому, что происходит в Польше. Я сторонница честности и солидарности в политике, а для такой политики, которая ведется в Польше, я не гожусь». Иоланта Квасневская попросила центры исследования общественного мнения не упоминать ее фамилию в предвыборных рейтингах

и заявила, что она будет по-прежнему заниматься благотворительной деятельностью. («Жечпосполита», 29 апр.)

- Вице-премьер и министр внутренних дел Юзеф Олексы избран маршалом Сейма. Избрание Олексы — элемент перетасовок, которые должны дать Мареку Бельке возможность сформировать правительство. («Тыгодник повшехный», 2 мая)

- Марек Белька стал новым премьер-министром. В воскресенье президент Александр Квасневский назначил его правительство. Свои должности сохранили министры: экономики и труда Ежи Хауснер, иностранных дел Влодзимеж Цимошевич, обороны Ежи Шмайдинский, сельского хозяйства Войцех Олейничак, культуры Вальдемар Домбровский, финансов Анджей Рачко, науки и информатизации Михал Клейбер. («Жечпосполита», 4 мая)

- Конституционный суд признал незаконной реформу спецслужб, проведенную два года назад «Союзом демократических левых сил». Это означает, что 450 офицеров ликвидированного Управления охраны государства должны быть восстановлены в должностях или получить компенсацию. Ответственный за проведение реформы начальник разведки Збигнев Семёнтковский подал в отставку. («Тыгодник повшехный», 2 мая)

- Агентство внутренней безопасности (АВБ) сообщило, что в прошлом году «Аль-Каида» завербовала в Лондоне безработного поляка из окрестностей Здунской-Воли. Ему было дано задание совершить теракт в одной из польских церквей во время рождественской мессы. Неофит был готов на все. Однако до момента задержания он не продвинулся настолько, чтобы ему можно было предъявить обвинение в подготовке теракта. («Жечпосполита», 24-25 апр.)

- После вывода из Ирака испанско-латиноамериканской бригады в польском секторе стало на две провинции меньше (из пяти первоначальных). Ответственность за обе провинции взяли на себя американцы. С июня международная дивизия под командованием генерала Мечислава Бенека будет насчитывать 6500 солдат, т.е. на треть меньше, чем прежде. («Жечпосполита», 27 апр.)

- 15 тыс. долларов готовы заплатить в Ираке за захват в плен польского военнослужащего. (Агата Яблонская, «Впрост», 25 апр.)

- Популярный военный корреспондент Польского телевидения Вальдемар Милевич и его помощник, алжирец Мунир Буамран убиты террористами на пути из Багдада в Наджаф. Оператор Ежи Эрнст ранен. По сведениям катарского телеканала «Аль-Джазира», нападение на польских журналистов было заранее запланировано. («Жечпосполита», 8–9 мая)
- Более 5 тыс. человек приняли участие в 13 м «Марше живых», пройдя три километра от лагеря Аушвиц до Биркенау. Вместе с евреями шли 700 поляков. «Приходя сюда, мы задаемся вопросами: почему Бог допустил это? почему цивилизованный мир молчал, зная о совершающейся трагедии?» — сказал участвовавший в марше вице-премьер и министр юстиции Израиля Йосеп Лапид. («Газета выбора», 20 апр.)
- Представитель немецких евреев Пауль Шпигель на церемонии открытия берлинской конференции ОБСЕ: «После расширения Европейского союза бороться с антисемитизмом будет труднее из-за антисемитизма, распространенного во многих новых странах ЕС». Эли Визель, лауреат Нобелевской премии мира, бывший узник Освенцима: «Если Освенцим не уничтожил антисемитизма, то что способно это сделать?» («Газета выбора», 29 апр.)
- «Не только шведские паспорта, выдававшиеся в Будапеште послом Раулем Валленбергом, но и польские удостоверения личности спасли жизнь тысячам евреев. Выдавал их руководивший всей операцией Генрик Славик. Просто удивительно, что в Польше его героизм остался незамеченным. О нем вспомнили лишь спустя 60 лет». (Славик был убит в концлагере Маутхаузен — Ред.) (Тадеуш Ольшанский, «Политика», 24 апр.)
- В Кракове несмотря на протесты польского МИДа и турецких властей открыт армянский хачкар — «крест-камень» памяти армян, живших в Польше с XIV в., полутора миллионов жертв турецкого геноцида 1915 г., армян, убитых во время II Мировой войны украинскими националистами, и армянских священников, сосланных в Сибирь и убитых советскими властями. Монумент высотой 2,5 метра освятил кардинал Францишек Махарский, митрополит Краковский. Посол Армении в Польше Ашот Ховхакимян говорил, что необходима не только память о жертвах геноцида, но и примирение между армянским и турецким народами. («Жечпосполита», 19 апр.)
- Институт национальной памяти (ИНП) начал следствие по делу о катынском преступлении. Пресс-секретарь Верховного суда профессор Петр Хофманский: «Насколько мне известно,

польская и российская стороны заключили неписанный договор, согласно которому следствие ведут россияне, а польская сторона оказывает посильную юридическую помощь. Однако факт остается фактом: все это продолжается уже полтора десятка лет, а следствие до сих пор формально не закрыто. На начальной стадии польская сторона получала его материалы, но в последнее время, судя по всему, россияне отказались и от этого». Директор ИМП профессор Леон Керес: «Несколько раз я просил предоставить мне возможность посетить Главную военную прокуратуру РФ, однако мне так и не удалось побывать там. Один раз случилось даже, что запланированный визит отменили в последний момент». («Жечпосполита», 28 апр.)

- Глава Польской Православной Церкви архиепископ Савва заложил краеугольный камень в фундамент первого в истории Щецина православного храма. Строящаяся в центре города церковь, которая вместит 500 человек, будет посвящена св. Николаю Чудотворцу, епископу Мир Ликийских. Щецинские православные — это белорусы, греки, лемки, поляки, русские и украинцы. Их число оценивается в 5 тыс. человек. («Газета wyborча», 17–18 апр.)

- Белорусский КГБ задержал в Минске польского дипломата по обвинению в шпионаже. В результате премьер-министр Белоруссии Сергей Сидорский отменил свой визит в Варшаву на экономический саммит. Задержание было проведено с нарушением международных норм. («Газета wyborча», 30 апр.)

- Представитель МИДа России: «С 1 мая 2004 г. (...) польские власти будут требовать от иностранцев, в том числе граждан России (...) оригинал приглашения или подтверждение гаранта о покрытии расходов на оказание медицинской помощи. При отсутствии этих документов российским гражданам необходимо иметь при себе сумму в размере 300 злотых на каждый день пребывания в Польше (...) В этой связи российская сторона оставляет за собой право введения аналогичных условий въезда граждан Польши в Россию на основе взаимности». («Жечпосполита», 27 апр.)

- После 1 мая условия торговли между Польшей и Россией останутся прежними. Россия не сможет изменять ставки таможенных пошлин и самовольно вводить какие-либо квоты для польских экспортеров без согласия Евросоюза. Импорт российского продовольствия в Польшу будет осуществляться в соответствии с санитарно-ветеринарными нормами ЕС, а экспорт польского в Россию — в соответствии с новыми сертификатами. («Газета wyborча», 27 апр.)

• ««Сотрудничество с Россией всегда вызывало множество опасений. Несмотря на это не было предпринято ни одной попытки определить интересы Польши в контактах с предприятиями из стран бывшего СССР», — считает Веслав Валендзяк (...) Польша должна избегать любых крупных российских инвестиций, особенно в стратегических секторах, в частности в топливно-энергетической отрасли (...) Российские фирмы можно назвать частными только в известной степени. В любой момент государство может организовать смену владельца. Поэтому в случае каждой крупной российской инвестиции есть риск, что когда-нибудь она станет орудием государственной политики». (проф. Ян Винецкий «Жечпосполита», 19 апр.)

• «Российская нефть и природный газ в Центральной Европе» — так называется отчет, подготовленный Центром восточных исследований, МИДом и министерством экономики, труда и социальной политики. По мнению авторов отчета, «экспорт энергетического сырья имеет для Российской Федерации стратегическое значение и составляет интегральную часть российской внешней политики. Цель Кремля — заложить основы экономического могущества страны и укрепить позицию России на международной арене. Российская энергетическая политика служит, в частности, осуществлению этой цели. Стратегия российских энергетических концернов ясна (...) цель — сохранить или получить контроль над транспортными путями и нефтяными терминалами, региональным топливным рынком, а также создать плацдармы для выхода на рынок ЕС». (Славомир Поповский, «Жечпосполита», 19 апр.)

• «Благодаря принятой 24 февраля Роттердамской конвенции ООН контроль торговли химическими веществами должен стать более эффективным. Конвенция дает право требовать полную информацию о составе и действии допущенных к торговле препаратов, а также право изымать из оборота или запрещать импорт тех веществ, вредность которых документально доказана. Конвенцию подписали 50 стран, однако Польша в их число не входит». (Яцек Кубяк, «Политика», 24 апр.)

• «Из 455 видов обитающих в Польше позвоночных 130 и угрожает вымирание (...) Водно-болотная среда разрушается в устрашающем темпе (...) Мелиорация и интенсивная сельскохозяйственная деятельность отрицательно сказались даже на таких распространенных до недавнего времени видах, как заяц и куропатка (...) Ежегодно от охотничьих выстрелов

гибло почти 500 тыс. зайцев и по крайней мере столько же куропаток (...) В сезон 2002/2003 гг. охотники убили 66 тыс. зайцев и 21 тыс. куропаток (...) В настоящее время 80% польских лесов — это хвойные монокультуры, сухие и почти лишенные подлеска (...) Глухаря и тетерева может спасти только общенациональная программа по их охране, предусматривающая, в частности, изъятие сохранившихся мест обитания этих птиц из ведения лесного хозяйства и создание там заповедников (...) Менее 200 последних лесных котлов еще бродят в глухих дебрях. В Польше живет меньше 200 рысей, хотя еще каких-нибудь 20 лет назад их было почти 600 (...) Современное вымирание в масштабах всей планеты — самое быстрое в истории Земли. Причина его — человек (...) Неизвестно, к каким последствиям приведет безудержная и, как правило, разрушительная деятельность человека, в результате которой исчезают всё новые виды [животных] (...) Уничтожение видов напоминает вытаскивание заклепок из летящего самолета». (Кшиштоф Дунин, «Тыгодник повсехный», 18 апр.)

- «Охрана природы в Польше станет фикцией, если Сейм отклонит поправки Сената к новому закону об охране природы. В непосредственной близости от границ национальных парков можно будет строить, что кому нравится, а в парках — практически без ограничений возводить спортивные и туристические объекты (...) Я понимаю, что приближаются выборы, но почему сурки, серны и орлы должны пасть жертвой подлизывания к избирателям? Подумайте, пока маленькие кусочки нашей страны, где еще сохранилось немного дикой природы, не превратились в луна-парки». (Адам Вайрак, «Газета wyborча», 15 апр.)

- Депутаты сочли допустимым строительство различных сооружений в национальных парках и заповедниках. Там можно будет строить, в частности, «образовательные, культурные, туристические, рекреационные и спортивные» объекты. («Газета wyborча», 17–18 апр.)

- Чеслав Милош: «Все картины природы остались далеко позади (...) Что же будет, когда исчезнет вся природная среда человека?» («Тыгодник повсехный», 18 апр.)

- Двух маленьких утят спасли полицейские, несшие службу во время Европейского экономического саммита. Двое из кучки птенцов, маршировавших за своей мамой через площадь Пилсудского перед гостиницей «Виктория», упали в канализационный люк. Полицейские подняли чугунную решетку и, держа за ноги одного из своих товарищей, опустили

его вниз головой в люк, а тот вытащил малышей из ловушки. Старший сержант Славомир Кучко из слупского саперно-пиротехнического отдела не чувствует себя героем. «Это был просто человеческий порыв», — говорит он. Однако он все равно стал героем международных СМИ. Его спасательную операцию описали мировые агентства, а фотография торчащих из люка сапог пользовалась большой популярностью в службе «Ассошиэйтед пресс». (*«Газета wyborча»*, 29 апр., *«Политика»*, 8 мая)

ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ

Расширение Европейского союза на Восток — это не только ликвидация остатков Берлинской стены, прежнего искусственного барьера между Западом и Востоком. Это беспрецедентный шаг к свободной, неделимой Европе. Впервые в европейской истории столько стран Центральной и Восточной Европы объединились со своими западными соседями в одно демократическое сообщество, скрепленное узами политики, экономики и безопасности, с равными правами и обязанностями.

На протяжении столетий восточноевропейцы были гражданами второй категории, бедными родственниками, предметом чужих политических планов и расчетов. На протяжении столетий они стыдились своей отсталости, своей провинциальности, а на Западе их высмеивали как экзотические, странные, непонятные «задворки Европы». Руритания. Трансильвания с вампиром Дракулой. Силдавия из «Приключений Тантана».

Славяне, а не рабы

Немецкий историк Леопольд фон Ранке написал историю — как он это назвал — романо-германских народов. Славян он не упомянул вообще: они-де не были творцами истории. Высокопоставленный немецкий политик объяснил мне когда-то (говоря по-английски с сильным акцентом), что историю Центральной Европы «совместно творили немцы, евреи и рабы» (по-английски — slaves). Я не сразу понял, что он имел в виду славян (по-английски — Slavs). И вот теперь славяне, которые никогда уже не будут рабами (а также не славяне — венгры, мальтийцы, эстонцы и греки-киприоты) усядутся вместе с нашими «романо-германскими народами» за общий праздничный стол в Брюсселе, а перед этим будут вместе веселиться на торжественном приеме в Дублине. В нескончаемой европейской симфонии вновь прозвучал троекратный мощный аккорд.

Все это отдаленные перспективы и громкие слова. Что значат они в повседневной жизни людей? Прежде всего то, что большее чем когда-либо число европейцев будет пользоваться большей свободой. Когда более четверти века назад я начал приезжать в эти края, мои здешние ровесники жили в другом

мире. Они не могли говорить вслух то, что думают (их уволили бы с работы или исключили из института), ездить туда, куда захотят, и читать то, что им вздумается, а на витринах и полках магазинов нередко царил зияющая пустота.

Тогдашнюю действительность лучше всего описывают безрадостные анекдоты.

— Ребе, можно построить социализм в одной отдельно взятой стране? — Можно, но жить лучше в другой...

— Русские — это наши братья или наши друзья? — Братья — друзей можно выбирать.

Или такой, времен Польши пустых магазинных полок.

Покупатель входит в мясную лавку. «Взвесьте мне, пожалуйста, свинины». — «Извините, нету». — «Ну тогда говядины». — «К сожалению, нет». — «А баранины?» — «Тоже нету». — «Сосисок?» — «И сосисок нет». Расстроенный покупатель уходит. — «Вот идиот!» — комментирует помощник мясника. — «Да, — соглашается тот. — Но какая память!»

Перспективы, которые открылись перед сыновьями и дочерьми моих старинных друзей из Варшавы, Будапешта, Праги или Любляны, не слишком отличаются от тех, которых могут ожидать мои собственные дети. Они могут писать и читать что захотят. Могут поехать куда захотят, ограниченные лишь властью одного общего деспота — денег (вернее, их отсутствием). И могут громко прокричать в общественном месте все, что им придет в голову. На этот раз в Восточной Европе не было обязательных первомайских демонстраций, где скучающая молодежь несла портреты Ленина, Брежнева или местных генсеков помельче. Одни вышли на улицу, чтобы по собственной воле отпраздновать вступление в ЕС, другие предпочли антиглобалистские демонстрации.

Конец раздела

В Англии и Германии по-прежнему чаще можно встретить поляка или словачку в роли каменщика или уборщицы, чем менеджера или профессора. Но и это изменится. В 50 е годы в Англии няньками работали швейцарки, немки или француженки. В 70 е — испанки и португалки. Сегодня это польки и словачки, но лет через десять их, по всей вероятности, заменят украинки и турчанки. Так обычная человеческая история вплетается в ткань более широкой политической картины Европы.

Факт остается фактом: в субботу 1 мая 2004 г. Евросоюз стал гораздо больше и гораздо разнообразнее; более того, он будет и дальше расти и становиться все более разнообразным. В какой-то мере я понимаю британских и иных «евроскептиков», опасющихся уравнивания всех под единый бюрократический аршин. Но не будем забывать, что с этим расширением разнообразие уже победило. Вопрос стоит не так: не исчезнут ли, мол, наши национальные особенности в жерле некоего гигантского европейского Молоха, всесильного централизованного государства, управляемого брюссельскими бюрократами? Вопрос стоит совсем по-другому: как не допустить того, чтобы европейские коллективные органы уподобились польским поместным сеймикам XVII века, которые стали источником бунтов и расколов среди зачастую не слишком трезвых шляхтичей?

Тревоги после торжеств

Если нам это удастся, Европа станет уникальным, единственным в мире сообществом 25 (в перспективе — 35) демократических государств, насчитывающих 450 (в перспективе — 600) миллионов граждан, живущих рядом в условиях свободы, мира и благосостояния.

Я знаю, что это очень нелегкая задача. Я знаю также, что на приеме в Дублине после торжественной церемонии было множество недовольных — и среди старых членов ЕС, и среди новичков. Мне кажется, любой из нас сможет перечислить их опасения и тревоги. По средним меркам 15 прежних членов ЕС, новые страны, вступившие в Евросоюз, — в большинстве своем бедные и в течение ближайших десятилетий останутся сравнительно бедными, несмотря на свои превосходные показатели экономического роста. Во многих из них свирепствует коррупция, разваливается многопартийная система, избиратели теряют доверие к органам власти и перестают участвовать в выборах. Старые члены ЕС опасаются иммигрантов, хаоса, а также конкуренции со стороны дешевой квалифицированной рабочей силы и более мягких налоговых режимов.

Но отложим все эти проблемы до вторника, когда начнется нормальная работа. Во время этого уик-энда мы отпраздновали огромную перемену. Если сравнивать ЕС с США или с утопической объединенной Европой, мы почти всегда будем испытывать некоторую неудовлетворенность. Поэтому давайте сравним Европу после 1 мая 2004 г. с нашим собственным недавним прошлым. Вспомним, какой была наша действительность 20 лет назад, в 1984 году, не говоря уже о 1944

м. А после этого вставим в лазерный проигрыватель
«Славянские танцы» Дворжака и разольем по рюмкам водку.

«ОПЫТ И БУДУЩЕЕ»,

Все, о чем я буду рассказывать, — это «дела давно минувших дней», о которых помнят только глубокие старики. Сегодня в Польше все, что произошло между 1980 и 1989 гг., — это полузабытое прошлое, а эпоха до возникновения «Солидарности» — вообще нечто фантастическое, чему молодежь решительно предпочитает истории о Гарри Поттере. Они не знают, что чуда, произошедшего в 1989 г. по нашу сторону Эльбы в результате всей этой фантастики, не совершил бы никакой Гарри Поттер.

Начинать нужно с конца 40 х — начала 50 х, когда приобретали жизненный опыт те, кто впоследствии принадлежал к дискуссионному клубу «Опыт и будущее». Сталинизм парализовал польскую интеллектуальную элиту; все формы ее организации, все ее связи были либо уничтожены, либо так извращены, чтобы сделать невозможным самостоятельное мышление. Интеллектуальные круги, изолированные друг от друга, пытались выжить, маскируясь под различные «семинары» с участием всего нескольких человек, проходившие по разным адресам под видом «дружеских встреч» (и все равно нередко заканчивавшиеся тюремным заключением). Интеллектуальная жизнь возродилась вместе с «оттепелью», начавшейся после смерти Сталина; в Польше еженедельник «По просту», журнал «студентов и молодой интеллигенции», в 1955 г. стал глашатаем бунта и реформ. Он стоял во главе массового, общенародного движения, которое после кровавого подавления бунта познанских рабочих в июне 1956 го все-таки привело к принципиальным переменам осенью того же года — уже без кровавых событий и трагедий, которые обрушились на Венгрию. Польша вернула себе частное сельское хозяйство, право на существование частной мелкой торговли (хотя и всячески преследуемой); в ней появилась неофициальная оппозиция, то есть представители католических кругов в по-прежнему назначаемом властями Сейме; она приобрела относительно независимое правосудие и довольно широкую творческую свободу для писателей, деятелей театра и кино, обширное место (можно сказать, витрину) для современной музыки и довольно широкие возможности контактов с Западом. И все это — при полном сознании того, что Запад и пальцем не пошевелит, чтобы

освободить Польшу от советского ига — что подтвердил разгром венгерского восстания.

Однако после этого «польского Октября» 1956 г. партия быстро принялась укрощать польскую интеллектуальную элиту — закрывая различные издания или просто затыкая им рот. Сделать это было нетрудно: она управляла гигантским печатным концерном, который издавал все газеты, кроме независимых, но подвергавшихся жесточайшей цензуре католических изданий — еженедельной газеты «Тыгодник повсехный» в Кракове и ежемесячного журнала «Вензь» в Варшаве. Уже осенью 1957 г. был закрыт «По просту» (несмотря на массовые протесты молодежи), а затем продолжалась ликвидация других изданий, замена их редколлегий или объединение друг с другом под управлением нового, послушного главного редактора. Это продолжалось до середины 60 х, одновременно с преследованием «ревизионистов» в высших учебных заведениях. Страну покинула первая волна интеллигентской эмиграции во главе с философом Лешеком Колаковским. Волна реакции достигла своего апогея в ходе «антисионистской» — то есть управляемой сверху антисемитской — кампании, которая изгнала из страны новую волну ученых, писателей и других представителей интеллигенции, включая знаменитостей, которые не могли примириться с антисемитизмом. Казалось, что польская мыслящая элита окончательно раздавлена: с независимыми от партии католическими изданиями цензура делала что ей вздумается, а периодика «государственных» католиков повиновались во всем. Хотя, признаемся, эта ситуация и так была почти идиллической по сравнению с положением в СССР, в Венгрии или в только что усмирённой Чехословакии.

Новой попыткой добиться независимости печати стало с 1970 г. еженедельное приложение к газете «Жиче Варшавы» «Жизнь и современность»: формально посвященное проблемам научно-технического прогресса, оно пропагандировало демократические начинания на местах и призывало граждан к совместной деятельности. Партия терпела это вплоть до осени 1973 г. Несколькоими годами позже была разогнана и редакция вновь созданного еженедельника «Литература», вокруг которого собрались многие ведущие писатели и публицисты, уцелевшие после предыдущих «карательных операций». В интеллектуальной жизни снова воцарился мрак.

Переломом стало создание Комитета защиты рабочих (КОР), основанного Яцеком Куронем после подавления массового протеста радомских рабочих в 1976 г., когда милиция зверски

избивала их, прогоняя сквозь строй (эту процедуру она издевательски именовала «тропинкой здоровья»). Впервые раздался открытый голос протеста против системы. Куронь тогда выдвинул лозунг исторического значения, сегодня полузабытый: «Не жечь [партийные] комитеты — создавать [свои] комитеты».

Героическое поведение Куроня не сразу снискало широкое одобрение среди польской интеллектуальной элиты. Одни не могли простить ему, что он не поддержал польскую «оттепель» в октябре 1956 г., а также сорвал попытку возродить харцерское движение в его довоенном (скаутском) варианте, другие считали создание и деятельность КОРа мальчишеской бравадой, которая приведет к еще более интенсивному затыканию ртов и завинчиванию гаек. КОР был уникальным политическим явлением исторического значения, а с психологической точки зрения — примером смелых действий под собственными именами.

Этой смелости в какой-то степени благоприятствовал тот факт, что тогдашнее партийное руководство стремилось сохранить свой позитивный образ в глазах западных правительств, предоставлявших Польше кредиты. Поэтому и органы во второй половине 70-х свирепствовали помягче, чем раньше. Тем не менее эта «мягкость» была таковой лишь по сравнению со зверствами эпохи сталинизма. На квартиру Куроня производились налеты, организованные варшавским обкомом ПОРП, во время одного из них были избиты старик-отец и сын Куроня; другие налетчики, изображавшие рабочих, нападали на дом выдающейся актрисы Халины Миколайской, участвовавшей в деятельности КОРа; Адама Михника за руки и за ноги вышвыривали из собственной квартиры. Приговоры сыпались один за другим, а в провинции дело дошло до убийств из-за угла, виновники которых никогда не были найдены. Однако основатели КОРа уже не были одиноки: в его окружении было много молодежи, в том числе и из других городов, кроме Варшавы, а вскоре в него включилась группа интеллигентов, основателей Общества научных курсов, созданного по примеру подпольного польского университета, действовавшего после революции 1905 года. На стороне КОРа выступили и другие видные деятели польской культуры. Молодой физик Мирослав Хоецкий организовал первое неподцензурное, подпольное издательство НОВА, преследовавшееся особенно яро; уже в 1977 г. группа писателей опубликовала в издательстве НОВА свои тексты, не пропущенные в печать цензурой.

Однако проблема, как дать возможность высказаться подавляющему большинству польской мыслящей элиты, особенно из научно-академической среды, все еще не была решена. Мне казалось, что сам по себе факт протеста умнейших людей страны — это еще не все. На рубеже 1976–1977 гг. мы долго обсуждали это с бывшим публицистом «усмиренной» газеты «Жиче Варшавы», моим другом Богданом Готовским, человеком выдающегося ума и мужества, который был воплощением тактичности и скромности (во время войны, в подполье, что было известно только мне, он командовал отрядом, ликвидировавшим предателей, доносчиков и шантажистов, вымогавших у евреев деньги под угрозой доноса). Мы пришли к выводу, что, будучи знакомы с лучшими умами страны, должны сделать что-то, чтобы они могли послужить ей своими талантами, а не только подписями.

Богдан поговорил на эту тему с со своим другом Анджеем Велёвейским, одним из руководителей варшавского Клуба католической интеллигенции, организации, как и все подобные клубы, нетипичной, ибо независимой. Велёвейский, при всем своем мощном уме и огромных знаниях, был почти таким же символом скромности: он никогда не рвался в руководители, хотя делал больше других. В каждом деле, включая ККИ, он был пресловутой «рабочей лошадкой». Мы встретились втроем — и Анджея даже не пришлось уговаривать. Затем в течение года мы провели десятки бесед с нашими друзьями и знакомыми, людьми, традиционно почитавшимися индивидуалистами, эгоцентриками с повышенной чувствительностью на пункте собственных амбиций. И даже если таких оказалось на деле сравнительно немного, деликатность и такт Готовского и Велёвейского сыграли в решении этой задачи неоценимую роль.

Так удачно сложилось, что в том же 1977 году Общество Свободного польского народного университета, действовавшее на обочине официальной общественной жизни, приняло решение начать работу своей «коллегии» с семинарами на различные неудобные для властей темы. СПНУ, до войны крупное независимое высшее учебное заведение, с комплексом собственных зданий в Варшаве, был ликвидирован еще в 1952 г. (на базе его филиала в Лодзи еще до этого, сразу после войны, был создан Лодзинский университет). После «польского Октября» удалось возродить лишь такое скромное общество, которое устраивало различные курсы повышения квалификации и столь же скромные семинары, в которых принимал участие и я сам. В 1977 г. общество возглавлял незабвенный Адам Узембло, логик, бывший офицер, в период

сталинизма подвергшийся в застенках госбезопасности таким пыткам, что еще в 1956 г. студенты во время митинга внесли его на сцену на стуле (тогда он призывал всех воздержаться от кровопролития — «иначе это все никогда не закончится»). Варшавским отделением общества руководила неоценимая Янина Войцеховская, в прошлом боец Армии Крайовой.

После нескольких десятков бесед с друзьями, на первой организационной встрече коллегии Общества СПНУ Богдан Готовский мог заявить, что в семинаре на тему «Опыт европейской демократии» примет участие 60 «самостоятельных научных работников» (как это тогда называлось), то есть профессоров и доцентов. Это стало сенсацией для остальных участников встречи, так как на другие семинары людей собирали под эгидой одного-двух самостоятельных научных работников. Получив согласие, мы назначили на 14 ноября 1978 г. первое пленарное заседание в знаменитом зале Лелевеля в Институте истории Польской АН на Рыночной площади варшавского Старого Города. Все это происходило всего через месяц после избрания польского Папы, Иоанна Павла II, которое ввергло тогдашнее партийное руководство в состояние паники (по крайней мере на два-три месяца). Открыть дискуссию докладами по социальной политике должны были профессора Ян Роснер и Ян Маляновский. На заседание мы пригласили (в ходе тех самых частных бесед) ведущих представителей польской научной и интеллектуальной жизни, а также журналистов — независимо от партийной принадлежности (членами партии были тогда и Маляновский, и я сам, хотя и оставшийся без работы, с «волчьим билетом»; зато я мог без недомолвок выкладывать все, что думаю, на партийных собраниях в Союзе польских писателей). Эти партбилеты должны были играть роль своего рода прикрытия от возможного давления со стороны партии.

На заседание пришло более ста приглашенных. Председательствующим был профессор Клеменс Шанявский, выдающийся логик и философ, а кроме того человек, наделенный природным тактом и личным обаянием. С самого начала он ограничил регламент выступлений пятью минутами (в нашей части Европы любят говорить долго): можно было взять слово даже несколько раз, но каждый раз лишь по пять минут. Жалобщиков среди нас не нашлось, но если бы кто-нибудь начал повторяться или говорить не на тему, Клеменс лишил бы его голоса. В ходе собрания Клеменс продлевал время на несколько минут особенно интересно выступавшим ораторам и еще до завершения дискуссии объяснил: «Осмысленные пять минут иногда продолжаются семь и даже

восемь минут». Эта традиция говорить кратко, начало которой положил наш клуб, вошла впоследствии в круг обычаев всей польской интеллектуальной элиты.

Доклады оставили от тогдашней социальной политики мокрое место, а дискуссия велась так, будто за окнами никакой власти не было и в помине. Один из приглашенных высокопоставленных партийных участников после нескольких подобных высказываний вышел из зала еще до окончания собрания. Впоследствии он запретил подчиненным ему журналистам (впрочем, безрезультатно) принимать участие в деятельности дискуссионного клуба. В заключение мы попросили подойти из зала тех, кто сможет посвятить какое-то время работе в коллективе, который мы называли «обслуживающей группой» дискуссионного клуба. Кстати, именно тогда окончательно закрепилось и название: дискуссионный клуб «Опыт и будущее».

Структура обслуживающей группы была столь же хитроумной, сколь и естественной. У клуба не было ни руководства, ни устава, ни списка членов, то есть никаких атрибутов организации, которую можно было бы распустить или обвинить в нелегальной деятельности. С другой стороны, обслуживающая группа сама не считала себя руководящим органом: она организовывала работу клуба, обслуживала его, при случае получала нахлобучку, но не имела права высказываться от его имени. Все ее участники были равны; в отношениях между поляками эта строго соблюдаемая взаимная лояльность была чрезвычайно важна, и между нами никогда не произошло никаких недоразумений. Только один из участников, отвечавший на вопросы разосланной анкеты, высказывал недовольство, что его слишком редко цитировали. При этом нежелательные личности не могли проникнуть в клуб; один такой потом публично жаловался, что «Опыт и будущее» — это масонская ложа, потому что он «хотел вступить в этот клуб — и не смог». Тогда я сказал ему: «Обслуживающая группа никого никуда не принимает, потому что у нас вообще нет приема в члены: это не организация, у нас нет членов». Если впоследствии кто-нибудь выражал желание присоединиться к обслуживающей группе, он мог это сделать без всякого труда — разумеется, он должен был принадлежать к нашему кругу, который включал сотни людей, но наверняка не включал того недовольного, что «хотел вступить в этот клуб — и не смог».

В первоначальный состав обслуживающей группы, кроме организаторов, то есть нас троих, а также ранее

«сагитированных»: великолепного публициста Казимежа Дзевановского, историка Яна Гурского, социолога проф. Яна Маляновского и уже упомянутого выше проф. Клеменса Шанявского, — пожелали войти еще трое: другой публицист с замечательной головой Анджей Красинский, молодой историк Анджей Закшевский и видный писатель Витольд Залевский. На первой же встрече в соседнем кафе мы все решили сразу же перейти «на ты». Быть может, невероятно, но в то же время и характерно, что все эти люди с первого момента подружились так сердечно, что эта сердечность все пережила. Позже к нашей работе подключилось еще 11 человек, и тоже было довольно удивительно, что в столь многочисленном коллективе нам удалось эффективно работать, несмотря на нередкие ожесточенные споры из-за формулировок. Всех нас дисциплинировало чувство долга и, вероятно... отсутствие стремления быть лидером.

Когда я просматриваю список этих последующих членов «обслуживающей группы», то вижу, что обе эти черты были присущи им всем. Назову их, чтоб подчеркнуть разнородность круга, который таким образом сформировался. Итак, это были: журналист Войцех Адамецкий, выдающийся экономист (а по моему мнению — крупнейший из тогдашних экономистов) проф. Януш Бексяк, искусствовед Анджей Осенка, урбанист проф. Ежи Регульский, виднейший историк проф. Генрик Самсонович, двое старейшин, великолепные юристы, уровня довоенных, профессора Анджей Стельмаховский и Ежи Стембрович, мыслитель и писатель, пользовавшийся нравственным авторитетом, Ян Стшелецкий, профессор Академии изящных искусств Лех Томашевский, а также уже связанный с КОРОм превосходный журналист Ежи Зеленский. Хватало среди нас и всезнаек, включая пишущего эти слова, но как-то никто не старался получить удовольствие от навязывания своего мнения другим. Я посвящаю столько места этой, на первый взгляд, второстепенной теме, потому что уверен, что именно таковы условия эффективной работы подобных коллективов...

Реакция партийных властей не заставила себя ждать — отдел науки ЦК запретил Обществу СПНУ проводить дальнейшие встречи нашего дискуссионного клуба. Мы с Маляновским отправились на прием к заведующему этим отделом — чтобы вести переговоры, объяснять, что произойдет, если ведущих представителей польской интеллигенции лишат возможности высказываться. Однако приговор оказался окончательным и бесповоротным. Правда, правлению общества не было велено разгонять наш дискуссионный клуб: партийные власти не

хотели компрометировать себя столь смехотворным решением, а им не пришло в голову, что можно действовать и работать без собраний.

На этот случай у нас был заготовлен запасной вариант. Почти сразу же мы начали проводить опрос на тему «О состоянии Речи Посполитой и путях, ведущих к ее исправлению». Мы вдесятером пригласили участвовать в нем (если память мне не изменяет) почти двести человек. Ответы надо было присылать в очень короткие сроки. Мы получили 52 ответа, и все они были чрезвычайно исчерпывающими и глубокими. Некоторые фактически представляли собой целые статьи. Ни один из ответов не попал в руки органов — люди, которых можно было подозревать (и которых даже подозревали), что они сообщат куда надо о своих ответах и о том, кому они их передали, явно этого не сделали: все ответы дошли до нас, а у получателей не было никаких неприятностей. Более того, один автор, который был известен своими довольно близкими отношениями с властями и которого мы пригласили скорее «по старому знакомству», предоставил нам ответ, особенно остро осуждавший существовавшее положение вещей и самый пессимистический: он полагал, что несмотря на все усилия добиться свободы и независимости (которыми он не пренебрегал) международное положение обрекает нас, поляков, погрязать в пучине прогнивающих общественных отношений еще на протяжении десятилетий.

Оригиналы полученных текстов мы тщательно спрятали, предварительно их отксерокопировав; на копиях были замазаны фамилии авторов и нанесены условные порядковые номера. Составление отчета заняло два-три месяца. Диагноз общего положения в стране — с цитатами из отдельных работ, со ссылками на их номера, — был сокрушительным, но не без оптимистических акцентов, а также с ценными прогнозами. Авторы отчета предвидели не только усиливающуюся социальную напряженность и кризис общества, но также и разрешение грозно надвигающегося конфликта путем переговоров. И все же отчет заканчивался памятными ироническими словами, вышедшими из-под пера Анджея Красинского: «...перемены [имелись в виду радикальные] столь же необходимы, как и невозможны».

Окончательный текст под названием «Отчет о состоянии Речи Посполитой и путях, ведущих к ее исправлению» был готов уже в начале весны 1979 го. Мы подписали его фамилиями членов обслуживающей группы как ответственных за его составление, тогда как фамилии авторов самих высказываний скрыли под

номерами. Первые экземпляры мы передали примасу Польши кардиналу Стефану Вышинскому, проф. Тадеушу Котарбинскому как высшему научному авторитету страны, а также президенту Польской Академии наук и председателю совета министров ПНР. Один из этих первых экземпляров через польский Епископат мы отправили в Ватикан, для вручения Папе Иоанну Павлу II, неизменно интересовавшемуся жизнью родной страны. Следующие экземпляры были сразу переданы Хоецкому и корреспондентам зарубежных СМИ.

В Польше наш отчет был почти сразу же распространен издательством Мирослава Хоецкого. Польская служба радиостанции «Свободная Европа» начала передавать в эфир его текст отдельными разделами, западные издательства перевели его на английский язык. Одним словом, отчет сыграл отведенную ему роль. Польская мыслящая элита во всеуслышание выразила свои взгляды, основанные на знаниях и продуманном анализе. Окружение Яцека Куроня неприязненно встретило эту инициативу: иногда можно было слышать даже, что это «удар в спину КОРа». Мы были изумлены подобными откликами: мы были уверены, что наш отчет дополняет собой деятельность КОРа, и полагали, что без КОРа не было бы и нашего дискуссионного клуба. При этом ни у кого из нас не было стремления к власти, тогда как подобные амбиции проявились впоследствии в среде бывших членов КОРа. Более того, все среди нас собирали деньги на помощь КОРу, а Ежи Зеленский, мой самый близкий друг, был связан с КОРОм непосредственной работой, редактировал издаваемый им подпольный журнал «Роботник» («Рабочий»).

На следующий опрос, на тему «Как выйти из создавшегося положения», мы получили уже более 150 ответов. Отчет по материалам этого опроса был опубликован в издательстве Хоецкого весной 1980 го. Летом вспыхнули забастовки и возникла «Солидарность». «Польский Август» действительно принес с собой разрешение кризиса путем переговоров. Анджей Велёвейский вошел в число советников «Солидарности», но в качестве представителя Клуба католической интеллигенции, а не клуба «Опыт и будущее». Отчет по материалам следующего опроса, «Общество перед лицом кризиса», не приобрел такой популярности, как два первых: он уже не был таким открытием, но, смею надеяться, оказался полезен польской общественности. Более существенную роль сыграли две другие публикации. Одной из них был отчет о состоянии системы здравоохранения, подготовленный Ежи Зеленским вместе с блестящим знатоком вопроса проф. Магдаленой Соколовской (для нас — Магдой), Катажиной Тымовской и другими

специалистами. Второй публикацией был короткий, всего на несколько страниц, прогноз «последствий внешней и внутренней интервенции». Его подготовила специально созданная группа прогнозов и анализов (в состав которой входили Богдан Готовский, Анджей Ситинский, Анджей Щипёрский и я) — после того, как из Вроцлава было получено сообщение о составлявшихся в кругах ГБ и армии списках, которые вполне могли оказаться проскрипционными. В прогнозе было очень подробно описано вероятное развитие событий в случае вступления в страну войск Варшавского договора: предполагалось, что огромная часть солдат и офицеров польской армии вступит в ожесточенную вооруженную борьбу с этим вторжением (у нас было довольно много друзей в среде военных). На случай «внутренней интервенции», в принципе бескровный план которой мы предвидели, в прогнозе был описан тотальный общественный бойкот власти, опирающейся на солдатские штыки, выход из партии двух миллионов рядовых членов, так что в ее рядах остались бы только чиновники самого партийного аппарата и члены их семей, а также полный кризис экономики, до того времени державшейся на ногах благодаря бескорыстным усилиям людей доброй воли. Если не ошибаюсь, прогноз был датирован 6 июня 1981 г.; мы немедленно его опубликовали. В то время меня положили в больницу, и прямо туда ко мне приехал министр внутренних дел генерал Кищак, стараясь убедить меня, что мы ошибаемся в своих прогнозах относительно последствий «внутренней интервенции». Стало очевидно, что военный переворот в стране неизбежен.

13 декабря того же года генерал Ярузельский совершил военный переворот, провозгласив введение военного положения. Как и предвидели авторы «Прогноза», рядовые члены ПОРП массово покидали ее ряды. Разрыв между правящим слоем и обществом превратился в пропасть. Даже актеры отказались участвовать в программах государственного радио и телевидения, а публика в театрах рукоплескала им за это сразу же после их появления на сцене.

Подготовка четвертого и последнего отчета нашего клуба, «Польша в условиях военного положения», столкнулась с самыми большими трудностями: госбезопасность совершала налеты на квартиры, где встречались члены обслуживающей группы, проводила обыски и так называемые задержания. Однако наша группа, хоть и уменьшившаяся в результате кончины Леха Томашевского и трагического самоубийства Ежи Зеленского, не утратила ни одного экземпляра ответов на опросы и ни одного экземпляра черновики отчета. Как всегда,

отчет был опубликован в непобежденном издательстве НОВА в середине 1982 года.

К сожалению, в течение ряда лет добавить к нему было нечего... Через пять лет после «польского Августа», то есть в 1985 г., Анджей Велёвейский организовал публикацию в условиях подполья следующего отчета — «Польша — через пять лет после Августа». В его подготовке приняли участие прежние члены обслуживающей группы клуба «Опыт и будущее» и авторы ответов на опросы, послужившие материалом для его отчетов.

После 1989 г., когда была завоевана полная свобода слова, клуб «Опыт и будущее» уже практически не был нужен: любой мыслящий человек мог выражать свое мнение любым способом. Кроме того наш клуб фактически не мог возродиться по чисто физическим причинам: из десяти человек первоначального состава обслуживающей группы осталось в живых только трое, а из тех, что присоединились позже, — меньше половины. Даже из 150 отвечавших на вопросы анкеты в живых к тому времени осталась всего треть. Те, что умирали, как говорили мы над их могилами, «умирали за Польшу». Встречи на одних за другими похоронах не способствовали творческой консолидации. И, что самое главное, вплоть до 1989 г. точкой отсчета оставалась «Солидарность», а не работы клуба «Опыт и будущее».

Насколько клуб «Опыт и будущее» или что-то в этом роде мог бы быть полезен сегодня? Сейчас инициатива должна исходить от следующих поколений, если они сочтут, что польская интеллектуальная элита в условиях политического хаоса зарождающейся демократии должна совместно выражать какие-то общие, совместно продуманные мнения или диагнозы, а не ограничиваться краткими выступлениями в качестве телевизионных звезд интеллекта. Ситуация формирующейся демократии вовсе не проста: умение организовать движение протеста или работать в подполье не гарантирует умения управлять, а «наследники» бывшего режима, которые выигрывают демократические выборы, выдавая себя за «специалистов», приводят к кризису власти еще быстрее. После успеха первых реформ — реформы Бальцеровича и реформы органов местного самоуправления — никто не интересуется не только прежним, уже забытым, но и современным опытом и организациями демократии и рыночной экономики на уровне их повседневного функционирования. Когда, например, Яцек Куронь и другой бывший член КОРа, Генрик Вуец, попытались возродить

общества взаимного страхования, их не поддержал никто из их собственных сторонников и ближайших друзей...

Впрочем, все это уже касается совершенно иной тематики и может стать не более чем исходным пунктом для создания совсем иной, значительно более широкой программы, чем отчеты клуба «Опыт и будущее».

Опыт нашего дискуссионного клуба может пригодиться там, где интеллектуальная элита не получила удовлетворения от совместных размышлений над судьбами своей страны и от возможности высказаться независимо, не заботясь о сиюминутных политических выгодах. Только бы эту элиту не парализовало ощущение, что от нее ничего не зависит и потому она освобождена от ответственности за окружающий ее мир и за эпоху, в которой ей довелось жить.

МЫШЕЛОВКА

«Как быстрее всего улучшить положение в Калининградской области? Объявить войну Евросоюзу и сразу же капитулировать», — шутят здешние жители с тех пор, как Европейский союз стал их ближайшим соседом

В пятницу вечером поезд Калининград—Гдыня въехал в Польшу, а в субботу вернулся уже из Евросоюза. «Ничего не изменилось, — говорит Татьяна, проводница поезда. — На границе нас точно так же проверяли, потому что вот уже несколько месяцев, как мы обязаны иметь визы, но я все равно волновалась». Ее поезд — это визитная карточка Калининграда. Три новеньких вагона с сиденьями, как в самолете, с телевидением и баром, предоставленные российскими железнодорожниками, быстро и без очереди пересекают границу. Этот поезд должен сделать Калининград привлекательнее для туристов из Польши и Германии, для бизнесменов же это символ того, что Калининград тянется к Европе.

— У нас есть шанс стать первыми россиянами, которые сумели достичь более тесной интеграции с европейскими структурами, — с надеждой говорят Владимир Ежиков, депутат областной думы, и Александр Кузнецов, глава городского округа Балтийска. — Это может оказаться для нас стимулом к улучшению условий жизни во всех отношениях. Мы не можем требовать от Москвы льгот и привилегий в связи с проблемами, которые якобы создает нам Евросоюз.

Однако расширение Евросоюза вызывает и серьезные опасения.

— Если в один прекрасный день ликвидируют границу или если уровень цен в России сравняется с польским, то все мы останемся без работы. Сейчас я два раза в неделю отвожу в Польшу на продажу водку, сигареты и бензин и зарабатываю вполне прилично, — говорит Николай из приграничного Багратионовска, которому удастся ежемесячно заработать на контрабанде и мелкой торговле около 400 долларов, то есть в два с лишним раза больше средней зарплаты в области. Другой работы здесь нет.

— В результате расширения Евросоюза у многих наших фирм возрастут затраты, так как повысится стоимость транзита

товаров через Литву, — предостерегает Сергей Козлов, вице-спикер местной думы. В первую очередь это повышение коснется таких товаров, как горючее, химикаты, уголь. Правда, подписанный на прошлой неделе договор между Москвой и Брюсселем предусматривает, что стоимость транзита должна быть «минимальной» и «покрывать исключительно административные расходы», но калининградские политики все равно опасаются роста цен.

— Если цены вырастут, кто повысит пенсию нашим пенсионерам, которые в среднем получают около 60 долларов в месяц? — риторически вопрошает вице-губернатор Олег Шлык.

— Москва должна подписать с ЕС отдельное соглашение по Калининграду. Тогда мы могли бы получить доступ к брюссельским фондам и рассчитывать на ряд других льгот — таких, например, как право ездить в Европу без виз, — считает депутат думы Соломон Гинзбург. Но Москва пока что не намерена заключать подобное соглашение, рассматривая его как частичный отказ от власти над Калининградом.

— Программа развития анклава в долгосрочной перспективе остается неразработанной, — говорит Валерий Бирюков, корреспондент агентства «Росбалт».

Областные руководители придерживаются концепции сохранения в Калининградской области «особой экономической зоны», но после расширения Евросоюза это в значительной степени потеряет смысл. До сих пор любой товар, привезенный из-за границы и прошедший переработку в области, можно было беспошлинно ввозить дальше в Россию. Многие предприниматели из Польши продавали мебель в Россию через Калининград, потому что так было дешевле. Однако после расширения ЕС пошлины на торговлю с Россией снизятся в среднем на 5%, так что не исключено, что прямой экспорт в Россию окажется более выгодным.

— Через несколько месяцев станет ясно, в чем мы выиграли из-за расширения ЕС, а в чем проиграли, — говорит вице-губернатор Олег Шлык. Пока что в области царит неуверенность. Популярная газета «Каскад» поместила такой коллаж: карта Калининградской области, а на ее фоне — огромная мышеловка. Подпись гласит: «1 мая... мышеловка захлопнется?»

НА УЛИЦЕ ИОТЕЙКО

Помню комнату в квартире на улице Иотейко в Варшаве, озаренную солнцем, ту комнату, где, словно в каком-нибудь этнографическом музее, стояли рядышком народные статуэтки святых на полках под потолком. А на кухне — много голубого и множество разнообразных чашек, стоявших на полочках и на холодильнике.

Помню, как мы вдвоем стоим на коленях перед открытым шкафом, кажется в передней. Маленькая седая голова Анны раз за разом наклоняется и исчезает в глубине, где вечным сном спят куклы. Куклы Анны Каменской спрятаны на дне шкафа. Тайна — к которой я допущена, ибо тогда была еще в достаточной мере ребенком. Прекрасные, желанные куклы, такие, каких у меня самой никогда не было. Разве это не несправедливо, чтобы взрослые имели право на кукол, которые на самом деле положены детям? И чтобы взрослые запирали эти маленькие существа в шкаф, в то время как столько девочек о них мечтают и могли бы о них позаботиться? Зачем тете Анне куклы, когда у нее есть свои живые дети и ей не нужно играть ни в дом, ни в мир, потому что давным-давно ей все можно делать поправде?

А потом пришел Павел, который показался мне таким рослым и красивым, сел возле нас на диван, мать обняла его нежным взглядом, запустила ладонь в его чуб и сказала: «Разве у него волосы не зеленые, зеленоватые, как сено, высушенное на солнце?»

Ну да! Анна права. Я была настолько взволнована пребыванием в ее доме, таком непохожем на мой, что случилось чудо и я действительно увидела зеленые волосы Павла.

Когда моей сестре было 13 лет, она была влюблена в Янека, старшего из двух братьев, у нее даже стояла его фотография на письменном столе. У Янека были светлые, миндалевидные глаза под хорошо прочерченными бровями, но я уже с тех пор и навсегда предпочла Павла, потому что Павел был заколдован: у него были зеленые волосы.

В следующий раз, может быть годом позже, Анна Каменская, тетя Анна, взяла меня с собой на рынок неподалеку от своего дома, убогий базар, где можно было купить все ненужные вещи

в мире. На тряпках, расстеленных прямо на земле, лежали бренные останки имущества былых времен, ценные в давние годы обломки семейных домов, что распались, увечные доказательства существования, которое пропало. Какие-то полуразбитые лампы, потрескавшиеся соусники, вилки с торчащими во все стороны зубьями, обгрызанные ложки, пожелтелые нитяные салфетки. Это были не вещи. Это были слёзы вещей...

И Анна ходила среди них как сиделка среди больных, склонялась к ним с глубоким сочувствием, прямо напряженная от боли, словно оказалась в пропасти сострадания. А все эти старые люди, торговавшие на базаре, иногда смущенные, стыдившиеся своего положения, а иногда наглые и навязчивые, — распродавали всё свое перед самой смертью. Анна же принимала на себя их оставленность и нищету.

Это были Иововы покупки. Доброта от отчаяния.

Я осторожно продвигалась вслед за Анной, которая была моей проводницей по этому чистилищу, у меня открывались глаза и перехватывало горло.

Ко мне у тети Анны была доброта легкая, теплая, сердечная. Она часто одаряла меня мелкими подарками. Я получила от нее какого-то Степку-растрепку в голубых штанах, индийскую медную тарелочку, круглую раскрашенную деревянную коробочку, такую легкую, что она переворачивалась, когда подуешь, и маленький коврик на две ступни, вытканый из красной и зеленой шерсти, и две чашки, две под пару, потому что когда кому-нибудь желаешь не быть одиноким, надо дарить ему вещи по две.

Когда я подросла, Анна перестала быть «тетей по уговору», стала «пани Анной», автором многочисленных книг, которые я постепенно читала, трагической поэтессой.

Помню открытку с пустынным, драматическим пейзажем, которую она прислала где-то в середине 70-х моим родителям. На обороте написала: «Это мой внутренний пейзаж».

Вскоре после этого, как-то ночью, я прочитала ее «Белую рукопись», сборник стихов, посвященный умершему мужу — Яну Спевачу. Я тогда была в кого-то влюблена и каким-то образом ассоциировала эти траурные плачи со своей юношеской любовью. Молодость бывает периодом наибольшей незащитности в жизни. Чтение «Белой рукописи» было для меня огромным потрясением, внезапным посвящением в

тайну и раз навсегда в моем представлении соединила в пару любовь и смерть. Memento mori, amor. Помни, смерть разделяет влюбленных. Помни, что ты умрешь, любовь. Я написала письмо Каменской на бумаге, мокрой от слез. Она тут же ответила:

«Я тебя ранила. Чем я тебя ранила? Своим страданием. Твой протест, что так писать нельзя... твой бунт — это не только страх, это отказ от со страдания. Ты прочитала «Белую рукопись» нервами. Не всегда в похвалу поэту тот плач, который он возбуждает».

Она была права. Я пережила страх. Ибо страх ходит по свету, разыскивая, в кого бы успешно вселиться. Ходит от человека к человеку и примеряет наши судьбы. А дорога через стихи ведет его, скорее всего, прямо к цели.

Вскоре после этого я писала у профессора Марии Янион дипломную работу «Мотив изгнания в лирике Анны Каменской». Много раз перечитала все стихи Анны, а также стихи Яна Спевака. Вновь проникалась их страданием, в сердце у меня открывались чужие раны. Несколько лет я провела за кулисами театра их жизни, где шла драма нелегкой любви, яростной смерти, адским пламенем пылающего одиночества. И извлекла из этого ошибочные выводы: и меня, мол, ждет всё то же самое. И я ведь тоже Анна, и я — с сохранением надлежащих пропорций — пишу стихи, и мое переживание мира, как мне тогда казалось, точно такое же!

Когда Каменская прочитала эти 50 страниц машинописи моей работы, куда я вложила всю душу, одновременно изболевшуюся и полную энтузиазма, работу, которую моя знаменитая научная руководительница оценила на отлично, — ничего хорошего она не сказала. У меня даже возникло впечатление, что она как будто раздражена тем, что опять кто-то не сумел прочесть то, что в ее поэзии всего существенней.

Когда я была на улице Иотейко в последний раз, в 1984 г., за два года до ее смерти, комната со статуэтками святых показалась мне мрачной. На дворе опускались зимние сумерки. Анна на кухне заваривала чай, а я ходила вдоль полок с книгами, всматриваясь в расставленные там старые фотографии, темные как дым. Это были снимки матери Анны Каменской, ее мужа, теток и других неизвестных мне лиц. Всех этих людей уже нет в живых, думала я, но глаза их по-прежнему глядят. Взгляды умерших, узники фотографий, обладают удивительным светом без источника, каким-то затерянным в пространстве светом, которым они спрашивают: «Умер ли я?»

И снова ко мне подкатил страх, тот самый, что я переживала, впервые читая «Белую рукопись». И я подумала: этот страх хватается меня за горло и проверяет, не пригодится ли ему моя судьба. Меня вновь охватила эмоциональная незащитность и то иррациональное ощущение зараженности отчаянием, словно мне вынесен приговор и жизни предстояло быть пожизненным заключением. Значит, я буду в старости одинокой женщиной, которая кормится лишь нехваткой, сожалением, болью? О нет! Мужество прежде всего.

Растите, доспехи, под моей кожей, хоть бы я стала от этого серебряной и холодной. В этом доме живут духи, и я хотела бы поплакаться своими слезами! Что-то не в порядке.

Анна вернулась с кухни. От чая в чашках идет пар. Едим ватрушку. Анна очень любила пирожные, всякие лакомства, вино, маслины. Вообще любила есть и пить и вовсе не была святой, как хотелось бы некоторым ее почитателям... Часто она портила не только свои дружбы, но и свои стихи. Была она существом страстным, горячим, полным противоречивых чувств. Бывала категоричной, несправедливой, а может, и жестокой. Но — и безгранично доброй, сочувствующей боли. Быть может — то гордой, то смиренной. При этом нежной, любящей и жаждущей любви. Была полна простоты, но, может, и хитра; мелочна — и полна достоинства. Жуткая. Чудесная. Настоящая. Снова и снова созидая свою человечность.

Она влекла меня и парализовала.

Долгое время я относилась к ней как к моей личной мастерице поэтического слова, но и боролась с нею в себе. Благодаря ей и против нее написала немало стихов. Последним из них было «Преображение»:

Куклы у тебя в шкафу посели

Ручки чашек хрупки не ухватишь

Ложка что откуда только не ела

с голоду померла

Наплаканная подушка высохла заскорузла

А ты счастливая сегодня помолодела

Бегаешь где-то не смотришь за домом

Как тебя теперь называть тетя пани

Если ты то в панну вырастаешь

То в ребенка умалешься

Теперь я та старая

Перед преображеньем

АНДЖЕЙ ДРАВИЧ — ЖИВОЙ И СВОБОДНЫЙ

Он умер 15 мая лета Господня 1997 го, как раз в день рождения своего любимого писателя Михаила Булгакова. Если бы он был жив — а зачем умирать рано утром здоровому, живому и обаятельному мужчине, которому всего-то 65 (таким мы запомнили его в Кракове)? — так вот, если бы он был жив, он высмеял бы встречающиеся иногда в польских газетах заявления о «слабости и старении «Мастера и Маргариты»», об острой «необходимости написать эту книгу заново...» (так говорил весной 2002 г. Кристиан Люпа, ставивший тогда «Мастера и Маргариту» на сцене краковского Старого театра). Впрочем, если кто хочет, пусть пишет — в конце концов, как говорил Достоевский, «все позволено». Между тем у многих из нас, учеников и друзей Анджея, верных читателей Булгакова сегодня и в прошлом, Дравич до сих пор стоит перед глазами как живой. Вспомним строки из стихотворения «Марбург» Бориса Пастернака, одного из любимых поэтов Анджея:

Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Гримм.

Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.

И все это помнит и тянется к ним.

Все — живо. И все это тоже — подобья.

О, нити любви! Улови, перейми.

Но как ты громаден, отбор обезьяний,

Когда под надмирными жизни дверьми,

Как равный, читаешь свое описание!

Как равный — именно так Анджей Дравич встречался и разговаривал со многими живыми легендами свободной русской литературы — в России, Польше, Париже и во многих других местах. Он знал Анну Ахматову, бывал у Надежды Мандельштам, встречался с вдовой Булгакова. Он любил говорить, что «в России нужно жить долго, а потом еще иметь хорошую вдову». Только благодаря русским вдовам сегодня мы можем читать стихи Мандельштама и «Мастера и Маргариту».

Если бы не они, русские вдовы, советской госбезопасности действительно удалось бы отправить эту литературу в небытие. Дравич дружил с Иосифом Бродским, хорошо знал Юрия Трифонова, Андрея Синявского, Владимира Максимова, Георгия Владимова. Владимовского «Верного Руслана» он перевел на польский и в начале 80-х годов теперь уже прошлого, XX столетия очень рекомендовал его своим краковским студентам (других у него тогда не было: Варшава выставила его за порог университета). Будучи одним из тогдашних учеников Дравича, я с волнением и доверием слушал его наставления: «В моем личном каталоге, — говорил он, — «Верный Руслан» Владимова — одна из самых важных русских книг».

Он знал и искренне любил еще очень многих русских. Простите мне очередные воспоминания, но ведь, наверное, именно так — лично — мы должны поминать наших живых усопших. Когда в 1986 г., впервые выехав в Европу, я начинал знакомиться с русским литературным Парижем, рекомендации Дравича открывали передо мной все двери. Владимир Максимов, Наташа Горбаневская, Андрей Синявский, Ирина Иловайская-Альберти — все они, услышав фамилию Анджея, становились еще теплее и сердечнее. Когда в конце 1994 г. «Тыгодник повсехный» поручил мне взять интервью у Булата Окуджавы, я, конечно же, попросил Анджея помочь мне — и в московской квартире Булата в Безбожном переулке его рекомендательное письмо тоже возымело магическое действие. Когда-то «Тыгодник» напечатал стихотворение Окуджавы «Замок надежды» в переводе Дравича, сидевшего тогда в лагере для интернированных:

Я строил замок надежды. Строил-строил.

Глину месил. Холодные камни носил.

Помощи не просил. Мир так устроен:

была бы надежда. Пусть не хватает сил.

Сизиф Окуджавы, в поте лица катящий наверх свой тяжелый камень, — таков был герой Дравича в трудные 80-е. В мае 1983 г. Анджей написал: «Не надо пытаться искать ответ на русский вопрос. Достаточно честно задать его и не подсказывать неправду». Он хотел, чтобы поляки задавались этим вопросом, и потому, например, призывал их читать Андрея Платонова, которого наряду с Булгаковым, Зощенко и Бабелем считал величайшим русским прозаиком XX века: «Надо странствовать вместе с Платоновым по следам его героев — сначала далеко вглубь, а затем наверх (...) И оттуда, из глубины, надо

отправляться в его края и в материализовавшуюся в них историю. Тот, кто поймет до конца, наверное обретет свободу».

Он очень не любил, когда кто-нибудь — неважно, сами русские или их польские попугаи, — говорил: «Умом Россию не понять». Он был убежден, что подобные метафоры могут играть роль самосбывающихся предсказаний, в условиях же перемен в новой России они явно не ко времени, так как ведут к апатии ума и бездействию. Основой размышлений Дравича о России всегда была мысль о том, что «русские — тоже люди». Не все у нас понимали это, а многие до сих пор не понимают, слишком часто отождествляя такую точку зрения с прокоммунистическими и великорусскими симпатиями.

Впрочем, мне и самому казалось тогда, что, поддерживая в своих статьях Михаила Горбачева и даже называя его «русским интеллигентом в действии», Дравич непростительно ошибается. Однако в корне ошибались как раз антикоммунистические критики Горбачева. Самому мне помог осознать это Окуджава во время записи уже упомянутого интервью: «Когда-нибудь люди Горбачеву памятник поставят. Хотел он того, или нет, он сделал великое дело. Нынешние судьбы Европы, России и Польши связаны с его именем».

В 1995 г. в интервью, опубликованном в №24 журнала «Кресы», Дравич говорил о десяти годах преподавания в Институте русской филологии Ягеллонского университета: «Краковский центр русистики в Ягеллонском университете всегда пользовался доброй славой. До войны это была настоящая кузница польской русистики. Потом, во всё более тяжелые в смысле цензуры годы, в условиях идеологического контроля краковяне отличались смелостью и естественностью, которые повелевали им просто учить студентов, включая в программу неофициальных писателей. Я убедился, что в Кракове это не считалось конспирацией, но рассматривалось как нормальная научная деятельность и долг перед студентами. Все эти счастливые краковские годы я вместе с коллегами делал то, что мне нравилось. Надеюсь, что и нашим студентам это принесло некоторую пользу».

Да, принесло, и я могу засвидетельствовать это вместе с другими.

ТАЛИСМАНЫ НЕТОРОПЛИВОГО ПРОХОЖЕГО

I.

Ежи Стемповского еще до войны окружала легенда. После войны она только укрепилась. Он, однако, оставался в тени. Печатал немного. Сам он говорил, что не любит «чернить бумагу», — так он определял писательский труд. И в то же время его считали самым замечательным польским эссеистом XX века. Кем был этот, как он сам себя называл, «неторопливый прохожий», «одиноким странник»?

Родом он был из зажиточной помещичьей семьи, с XVIII века осевшей на Украине, из той «полуторной шляхты», лучшие представители которой обладали большими заслугами в польской интеллектуальной жизни. Его отец Станислав Стемповский, либеральный публицист, был ведущей фигурой польского масонства. Ежи Стемповский ходил в школу в Варшаве, продолжал учебу у частных учителей и в гимназии в Одессе, экзамен на аттестат зрелости сдал в 1911 г. в Немирове. Учился в Кракове, Мюнхене, Женеве, Цюрихе и Берне. Уже в отроческие и юношеские годы поражал всех необычайной эрудицией. Он жил в кругу разных культур, интересовался многими областями науки и искусства, знал много языков. Была ли у него какая-то одна страсть, придававшая направление его трудам и дням? Пожалуй, нет — он старался точно и отстраненно наблюдать мир. Внимательно и со скептической улыбкой он анализировал пульс общественной и интеллектуальной жизни. Его вполне характеризует анекдот, который он сам рассказывал: в годы его студенчества в Германии существовал Kirchensteuer, церковный налог; каждый постоянный житель должен был заявить о своем вероисповедании, в чью пользу он бы хотел вносить плату. Стемповский оставил соответствующую графу незаполненной. Вызванный в учреждение, где ему велели дать честный и правдивый ответ, он вписал: вольтерьянец. Годы спустя, просматривая немецкие статистические данные того времени, он прочитал в рубрике «вероисповедание»: «вольтерьянцы — 1».

Он бы мог оставаться зажиточным эрудитом-дилетантом, проводящим время в путешествиях и ученых диспутах. Первая

мировая война и революция положили конец такому существованию. Семья лишилась имущества. В 1919 г. Стемповский вернулся из Швейцарии в Польшу. Недолго работал в министерстве иностранных дел, в качестве журналиста присутствовал на заседаниях Лиги Наций в Женеве. Потом был корреспондентом Польского телеграфного агентства в Берлине. В мае 1926 г. [во время военного переворота Пилсудского. — Ред.] работал в президиуме совета министров. С 1929 г. Стемповский отошел от правящей группы сторонников Пилсудского, получил должность в Государственном аграрном банке. С 1935 г. он преподавал на режиссерском факультете Государственного института театрального искусства, где обучал самостоятельному прочтению классических текстов. В памяти слушателей он остался как блестящий преподаватель.

К писательству Стемповский относился сдержанно, с недоверием. Возможно, потому что ставил перед собой самые высокие требования. Многие годы спустя, в очерке «Как чернят бумагу», открывающем его сборник «Эссе для Кассандры», он сам признавался: «Выход из молчания, которое кажется естественным состоянием мысли, — это своего рода отступление от ее амбиций». К счастью, он решился на такое отступление, совершил «выход из молчания». Еще до войны он написал несколько эссе, которые навсегда вошли в польскую литературу: «Пан Жовиальский и его наследники», «Химера как тягловый скот», «Полномочия рецензента».

В межвоенный период он дружил с многочисленными украинцами, белорусами, татарами, грузинами, оказавшимися после большевистской революции в Варшаве. Принимал он участие и в жизни русской эмиграции в Польше. В Варшаве Стемповский жил у друзей — Мечислава и Вихуны (Людвики) Реттингер. В то время он испытывал острое чувство надвигающегося несчастья, как в общественном, так и в личном плане. Не склонный к интимным признаниям, он точно сформулировал это в одном из своих писем: «В 1928–1929 гг. я принял решение разойтись с пилсудчиками, даже самыми умеренными, видя бесплодие любых усилий, направленных на то, чтобы затормозить мчащуюся к катастрофе машину (...). Вдобавок ко всему на мне лежала ответственность, которой сегодня нет, за сохранение жизни больной раком женщины, к которой я был безмерно привязан. Сохранение ее жизни в течение почти 13 лет было моим шедевром, *chef-d'oeuvre*, *capolavoro*, самым удачным и невероятным начинанием, предпринятым вопреки всяким разумным расчетам. На это мне нужно было иметь немного денег, несмотря на мою

склонность к бескорыстию. Поэтому я был вынужден взяться за небольшую работу в банке, предварительно написав статейку о некой модной тогда разновидности кредита, чтобы иметь возможность сойти за специалиста. Но больше всего меня мучило ощущение краха, сознание всеобщей катастрофы, свидетелем и актером которой я был, как матрос на тонущем корабле, где исполнение своего долга уже ни к чему не ведет и не дает даже иллюзии нравственного удовлетворения. Отвлечься от всего этого комплекса понятий — задача непростая. С этой целью мы должны прийти к какому-то рассмотрению прав личности, я имею в виду нравственные права, перед лицом великих катаклизмов» (Кристине Марек, 5 мая 1947). Женщиной, чью жизнь он старался сохранить и к которой был «безмерно привязан», была пани Вихуна, Людвика Реттингер. Ее тени посвящено «Эссе для Кассандры». Пораженный ее смертью, к ней — «к Луизе» — обращал он «Notes pour une ombre» [«Записки для тени»].

В сентябре 1939 г. Стемповскому удалось перейти венгерскую границу до того, как восточные земли были заняты советскими войсками. В Венгрии он тяжело заболел, много недель провел в горной местности (что описал в очерке «Книгохранилище контрабандистов»). Он получил приглашение от группы друзей из нейтральной Швейцарии. Через Будапешт, Белград, Загреб, Триест, Милан в апреле 1940 г. он добрался до Мури под Берном. Он намеревался через несколько недель выехать во Францию, где находилось польское правительство в изгнании и где сосредотачивалась интеллектуальная жизнь польской эмиграции. Немецкое вторжение во Францию перечеркнуло эти планы. Полтора десятка лет Стемповский жил в Мури. Затем переехал в Берн, где поселился в доме друзей, Динеке и Генри Цаут.

Во время войны он поддерживал связь с польскими властями в Лондоне. Посылал доклады о политическом положении. В 1942 г. совершил поездку в неоккупированную зону Франции, установил там связь с польским и французским движением Сопротивления. После войны остался в эмиграции. Писал Стемповский под псевдонимом Павел Хостовец. Был связан с «Институтом лиterraцким» и «Культурой» Ежи Гедройца. Оба отлично дополняли друг друга и взаимно признавали достоинства другого: Гедройц нашел в Стемповском великолепное перо и ценного советника с исключительным кругозором, а Стемповский-Хостовец получил в «Культуре» трибуну — открытую и обладавшую близкой ему иерархией ценностей. Оба верили в неизбежность изменения послевоенного порядка в Европе. Оба не питали иллюзий, что

процесс этот будет легким. Оба понимали принципиальную роль, которую должно сыграть свободное и разумное слово. Стемповский ясно выразил это убеждение в письме Кристине Марек: «Литература — это единственное проявление той не поддающейся расчету силы, которая заключена в эмиграции. Если ее не станет, эмиграция сожмется до явлений предсказуемых, сумма которых при трезвом расчете будет близка к нулю».

Как только позволяла политическая ситуация, он отправлялся в поездки по Европе. Результатом их были очерки, публиковавшиеся в «Институте литерацком» (еще в Риме) и в «Культуре». В ноябре и декабре 1945 г. Стемповский посетил оккупированную Германию и Австрию («Дневник путешествия в Австрию и Германию», Рим, 1946). Был в Италии на рубеже 1947–1948 гг., когда коммунистическое влияние, казалось, достигло апогея. Возвращался в Германию, когда из западных оккупационных зон родилась Тризония (1948–1949), когда нарастало «экономическое чудо», приносившее все более заметные плоды. Часто ездил в Италию. Регулярно посещал дом «Культуры» в Мезон-Лаффит. Умер Стемповский в Берне 4 октября 1969 г. в возрасте 75 лет.

Он планировал написать много произведений, задуманных широкомасштабно (об истории литературных методов; обширные воспоминания, разделенные на тридцать глав; антологию, показывающую блеск и нищету эмиграции в западной традиции; о колонизации Лигурии); книги эти не появились, но мысль о них вдохновляла его письма и эссе. По-французски он написал «La terre bernoise» [«Бернская земля»], вышедшую в Женеве («Либрери Э.Дроз») в 1954 году. По-польски вышли в «Библиотеке «Культуры»» его избранные очерки: «Эссе для Кассандры» (1961) и — посмертно, но подготовленные им самим — «От Бердичева до Рима» (1971)».

Он был превосходным мастером эпистолярного жанра. Переписка составляет основную часть его творчества. Это была своего рода частная газета о публичных делах. Его неизданная переписка выходит в свет, но, к сожалению, слишком медленно. Каждая из этих публикаций важна, если проливает свет на личность Ежи Стемповского, «неторопливого прохожего», внимательно присматривавшегося к бурям Европы XX века.

«Записки для тени», дневник, который Стемповский вел в 1940–1942 гг., а по сути письма, написанные Тени, тени любимой женщины, которую он потерял в начале войны, — это

текст, по многим причинам принципиально важный для понимания личности Стемповского и его творчества.

II.

Нелегко определить формулу его писательства. Ян Котт, считавший себя его учеником, признавался: «Стемповский научил меня писать, читать и не доверять. Быстрее всего я научился писать, много лет заняла у меня наука чтения, не доверять я научился только тогда, когда голос пана Ежи был столь тих, что его с трудом можно было слышать».

Константы Еленский видел силу Стемповского-Хостовца в его богатом оттенками социологическом и историческом воображении: он смотрит глубже, шире, как бы в нескольких измерениях. «Хостовец чувствует себя как дома в широчайших рамках так называемой западной цивилизации, независимо от века и места: везде, где человек призван оставить свой отпечаток на природе, везде, где между личностью и обществом ведется диалог Антигоны и Креона, везде, где существует разрыв между чувством вины и мечтой о свободе. В этом смысле западной цивилизации принадлежат классические Афины и сегодняшняя Москва, Тивериада евангелистов и современное Чикаго. «Космополитизм» Хостовца — одновременно извечный и предвещающий. Эта легкость перемещения между эпохами, странами, способность наблюдать не только извне, но и «изнутри» имеет у Хостовца свой эквивалент и в отношении к профессиям, общественным классам. Это, пожалуй, особенно редкая черта (...) Хостовец способен с одинаковой непосредственностью общаться с лауреатом Нобелевской премии и контрабандистом; с миллиардером и сыщиком; с великим артистом и деревенским неграмотным».

Превосходный портрет его литературного творчества нарисовал Юзеф Чапский. Он начинает очерк, цитируя в немецком оригинале первую строфу стихотворения Гофмансталя «Manche freilich...» И добавляет, что не берется ее перевести. От ее магии не осталось бы ничего. Он пересказывает стихотворение Гофмансталя, сохраняя его магию и в то же время рисуя точный портрет Стемповского: «Одни умирают, пишет поэт, там, где скрипят тяжелые весла кораблей, другие стоят у кормила, знают полет птиц и звездные края. Одни увязли в корнях запутанной, полной хаоса жизни, другие имеют свои храмы при Сивиллах-царицах. Но на этих легких счастливцев падает тень — тень от задавленных в хаосе жизни, и связаны они друг с другом, эти легкие и те тяжелые, как воздух с землей (...) Усталость забытых народов он не может

убрать из-под своих век, и ужаснувшаяся душа его не в силах стереть из памяти немое падение далеких звезд. И все судьбы, вросшие в его судьбу, — это больше, чем гибкий пламень его жизни и его узкая лира». От Гофмансталя Чапский переходит к Стемповскому: «Я не знаю никого, кто бы так, как автор «Эссе для Кассандры», казался предназначенным для жизни с Сивиллами и лучше, чем он, знал полет птиц и звездные края, но именно на него падает тень от всех, кто прикован к тяжелым веслам в хаосе жизни, и никто не чувствует сегодня сильнее, чем он, «усталости совершенно забытых народов». Гофмансталь пишет, что во всяком «высшем мышлении» таится чудо общности, единства дня нынешнего с прошлым, жизнь умерших — в нас, и только этому мы обязаны тем, что изменчивость времени полна смысла, что мы не ощущаем ее как серию отдельных и бессмысленно повторяющихся тактов. Вечное — это сегодняшнее, и оно полно содержания». Чапский незабываемым образом определяет магию писательства Стемповского, замечая то, что в нем едва ли не с аполлоническим совершенством живо и напоено чувством: «Эти слова, с виду простые, всегда неожиданным образом подобранные и связанные, метафоры, поражающие не изощренностью, но как раз повседневностью, поясняющие, а не затемняющие смысл текста, многочисленные и удачные переводы на польский иностранных слов, бриллиантовые цитаты, взятые из девяти языков, дыхание фразы, свободное и в то же время экономное, — кажется, что мы могли бы всегда распознать автора среди сотни всевозможных текстов: сама форма мысли, округлая и совершенная, — это магический сплав. Поэзия и музыка, намного реже живопись, дают такие переживания, которые ускользают от рациональной оценки, ибо принадлежат иному измерению».

III.

Стемповский видел разрушенную Европу и представил критический анализ ее восстановления — в материальном и нравственном смысле. Он описывал руины Мюнхена и Франкфурта, описывал наступление тоталитарной идеологии и тоталитарного подхода к обществу и душам. И он, так вжившийся в традиции, искал новых течений. Именно поэтому он помогал в строительстве европейского дома. Он знал, что эта конструкция не может быть возведена вопреки традициям, людьми с пропавшей памятью. Мысленно он возвращался к своей малой родине. Для него это были карпатские полонины и швейцарские пейзажи, книги греческих, латинских, итальянских классиков, а также произведения малоизвестных польских прозаиков XIX века. И

произведения новые, смело глядящие в будущее. Стемповский брался судить и современное творчество. Он не боялся, что именно на этой территории можно легко ошибиться, но считал это обязанностью — оценивать, выбирать. Программный очерк «Границы литературы» (1958) он начинает с признания: «Как-то жарким летом, будучи молодым человеком, я прочитал подряд все драмы Шекспира. Случай этот оказал решающее влияние на мое последующее чтение а, может быть, и на многие другие решения. «И дана мне трость (...) и сказано: встань и измерь храм Божий (...) и поклоняющихся в нем», — говорится в Откровении. Трость эта была в моих руках. С тех пор я беспардонно отбрасывал все книги, которые, на мой взгляд, были хуже, чем «Троил и Крессида». Я следовал — может быть, несколько наивно — одному из самых старых критериев, какими пользовались читатели, придающие какое-то значение своему занятию; нечто подобное есть уже в знаменитом некогда Послании к Пизонам Горация: «Чуть с совершенства сойдет, упадет на низкую степень!» [пер. М. Дмитриева]. На практике это не представляет трудностей. При известном навыке узнаешь сразу и почти безошибочно, может ли данная книга содержать хотя бы одну страницу шекспировского класса».

Стемповский писал о Фукидиде и об амстердамской бирже, о Гомере и об искусстве авангарда. Он старался облекать мир в как можно более ясные и точные формулировки — во всей его сложности, сохраняя верность памяти и воображению, с мыслью о будущем. Иногда его суждения подвергались эволюции. В апреле 1952 г. Ежи Гедройц упомянул в письме к нему о коротком тексте Э.М.Чорана, рассматривавшего блеск и тени изгнания; текст появился во французском журнале, и Гедройц хотел напечатать его в «Культуре» с комментарием Стемповского. Тот, прочитав, с возмущением ответил: Чорана не интересует проблема изгнания, он хочет лишь шумно выступить; в молодости он наверняка дразнил нищих и передразнивал калек; теперь он тычет пальцем в беды эмигрантов. Гедройц счел это мнение слишком суровым; он обратился к Гомбровичу с просьбой перевести и прокомментировать текст Чорана (высказывание на этот счет Гомбровича, великолепное, поражающее меткостью и свободой суждений, оказалось в его «Дневнике» и представляет собой один из самых мудрых текстов на тему изгнания, писательского долга и писательской силы). Двумя годами позже Стемповский написал «Rubis d'Orient» [«Восточный рубин»]. В необыкновенно мастерском и вместе с тем очень личном эссе о Чоране он оценивает его прозу как образцовую: «Э.М.Чоран — несравненный мастер слова. Давно уже не видно

было прозы столь плотной и в то же время живой (...). В хаосе мыслей, представляющих собой как бы предвосхищение сумерек, проза Чорана — один из самых актуальных литературных образцов. Она обладает легкостью, предсказывающей нравы будущих путешественников без багажа, и в то же время извечным упорством шлифовальщиков, перерабатывающих слова в талисманы».

Действительно ли это эссе о Чоране? Пожалуй, скорее о роли литературы, такой, какой она могла бы быть, о какой мечтал одинокий странник, какую хотел бы видеть неторопливый прохожий. Для меня с тех пор, как я прочел этот текст, это прекрасное эссе о «разбойных писателях», об одном из них, о Стемповском, о его мечтах и свершениях, о его тайных талисманах — о роли слова на территориях цивилизационных стычек и конфликтов, в периоды «истории, спущенной с цепи». Иногда нужно тотчас бежать. Унести с собой можно только то, что уместится в кармане, как драгоценные камни, то, что сохранится в памяти, как мудрая формулировка. Эти талисманы могут принести спасение. «Между отшлифованным словом и драгоценным камнем существует вдобавок глубокое функциональное родство. Вынужденный провести зимние месяцы 1939–1940 гг. в одиночестве в неосвященном здании, я вскоре заметил, что от двух брошенных библиотек и жизни, проведенной за чтением, у меня осталось, собственно, только то, что сохранилось в моей ненадежной, размытой различными катаклизмами памяти. В зимние вечера, освещенные лишь тлеющими за приоткрытой дверцей печки дровами, я старался составить опись памятных вещей. Долгое время я слышал только обрывки музыки. Лишь потом в этой текучей материи стали появляться слова. Сперва это были одни отрывки стихов или лаконичных надписей. Порядок их появления из забвенья определялся не более близким или более далеким языком, а отшлифованностью слов, их интонацией или предназначением вечно жить на каменных плитах. Эти первые сияющие в ночи слова были как драгоценные камни, которые в случае бедствия можно обменять на коня или безопасное укрытие. Тогда мне стало ясно, что в них — мой единственный шанс жизни и возрождения из пепла прошлого».

IV.

Стемповский не раз упоминал, что пишет, имея в виду прежде всего отечественного читателя, там, в Польше, которая подчинена официальной коммунистической идеологии и потому более чем когда-либо заинтересована в свободной

мысли. Чем интересовал он меня, когда я читал его в Варшаве, в тайно провезенных номерах «Культуры» и книгах «Института литерацкого»? Он был важен для меня как гражданин Европы, вжившийся в ее традиции, но также как один из строителей польского дома. Одно без другого остается неполным. Каково его место среди свободных голосов, среди разбойных писателей, каковы истоки его писательской силы, чуткости, проницательности, укорененности в традициях и в то же время новаторства (ибо во всем этом нуждается писатель, чтобы стать для других примером внутренней свободы)? Было же много эрудитов; наверное меньше было (но все-таки они появлялись) людей осмысленной культуры, то есть со знанием прошлого, которое важно: оно позволяет понять сегодняшний день, отворяет окна в будущее; существовали, тоже не слишком многочисленные, люди, понимающие общественные процессы. Все эти достоинства, столь редкие, присутствуют в довоенных текстах Стемповского. Но надо было чего-то большего, чтобы он стал одним из творцов, покровителей и реализаторов польской «школы реальности», «школы свободного голоса», «школы четвертого польского языка». На это понадобился шок военного времени, утраты независимости, союза двух тоталитаризмов, шок «времени презрения» — презрения и подозрительности к человеку. Понадобилась двойная эмиграция, из родной страны, но и из национальной мифологии, понадобилось соединение великой культуры со схождением на «нулевой уровень стиля», понадобилось осознать разделение и внутреннее расслоение «атмосферы жизни» и «атмосферы литературы» в культуре Запада второй половины XX века. Понадобилось пройти через все бросаемые вызовы, когда слово кажется совершенно формализованным, неспособным ухватить хоть что-то из действительности, когда знаки подвергаются непрерывному распаду, когда поток слов — это в то же время невозможность выразить, вход в молчание. Принципиальный вызов в этой ситуации — критический «выход из молчания». Совершить это сумели некоторые польские писатели. В этом их значение. Среди них — Стемповский. Каждому из них безусловно пришлось пройти через период испытаний и вызовов. И эта перспектива представляется мне необходимой для понимания места Стемповского в современной литературе, как и места в творчестве Стемповского его частных дневников, писавшихся для милой его сердцу тени.

Наверное, понадобилось и еще что-то, нечто большее всего перечисленного мною, чтобы в мучительных попытках его слово пробилось через плотины молчания. Понадобилась искра чувства, блеск увлеченности, чтобы из скептика и аристократа

(так охарактеризовал достоинства Стемповского в местах шаржированном, но точном его портрете Вацлав Збышевский) вырос живой писатель, нервной рукой прикасающийся к действительности. «Записки для тени» — частные дневники, не писавшиеся с мыслью о публикации. Но публичные дневники, великолепные заметки о поездках в Германию, Италию, Голландию, Югославию, печатавшиеся в «Культуре», составляют важный вид творчества Стемповского. Еще до войны он опубликовал очерки, такие, как «Пилигрим» (впечатления о пребывании в Голландии и Германии зимой 1923–1924 гг.), «Новые впечатления одинокого странника» или «Европа в 1938–1939 гг.», но послевоенные дневники, особенно первый, заслуженно самый известный, «Дневник путешествия в Австрию и Германию» (ноябрь–декабрь 1945), обладают скрытым, приглушенным, но столь выразительным отпечатком частного голоса, живого голоса, наделенного поэтому значением, уловимым и для других. Источник этой тональности голоса, многие сюжетные линии самых лучших эссе Стемповского мы находим в «Записках для тени». Наверное, каждый читатель Стемповского–Хостовца запомнил внезапный взрыв эмоций, так отличающийся от, казалось бы, приглушенного тона рассуждений: в «Дневнике путешествия в Австрию и Германию» он записывает свои мысли, когда в Европе, едва приходящей в себя после катаклизма, покрытой развалинами городов, еще недавно бывших записями прошлого человечества, ему, как и миллионам других, приходится ждать: пропусков, возможности возвращения в страну или выезда из страны, лучшего будущего.

«Вынужденный — как все — ждать, я заворачиваюсь в спальный мешок и закрываю глаза. Соседние дома лежат в руинах, улица вымерла. Морозный воздух лежит на ней без движения. В полумраке я слышу собственное дыхание.

Думаю, что в такой тишине эмигранты слышат шум своих рек. Достаточно сосредоточиться в памяти, чтобы среди сотен других распознать шум своей реки. Каждая из них говорит своим языком. Одни гремят и грохочут, другие звенят по неглубокому дну, в одних слышно клоткание водоворотов и шорох пены, перемещающейся над глубиной, в других, наконец, вода нема (...).

Наибольшей магической силой обладает Черемош, который среди всех горных рек один-единешенек плывет в тени столетних пихт и елей. Воды его бурно пенятся в каменном русле, журчат на покрытых гравием мелях, звенят по камням, бормочут в теснинах, шумят и грохочут по скалам, и каждому

из этих тонов, слегка запаздывая, вторит низкое, темное, басовое эхо дремучего леса. Мне кажется, что если бы незрячий, старый, терзаемый лихорадкой и безумием, я снова услышал этот шум, годы блужданий по бездорожью опали бы с меня как лохмотья злополучия, и я вновь стал бы самим собой.

Нечто подобное стало темой романа Жана Жироду, где молодой француз, пораженный амнезией, воспитывается как немец, носит бороду и цветные кальсоны, и снова становится самим собой, читая, как ловят рыбу в его департаменте.

Быть собой, быть собой — *this above all*, говорит Полоний — можно, кажется, только в какой-то связи, конкретной или идеальной, со своей рекой, с пейзажем своей малой родины, родной или приобретенной».

Это признание веры в малую родину впервые прозвучало в «Записках», которые Стемповский вел для любимой тени.

V.

В «Записках» Стемповский спустился на нулевой уровень — стиля, литературы, речи. За год до этого рухнул, уже не в первый раз, но теперь исключительно жестоко, мир, в котором он жил. Он лишился родины — и даже если ему случалось чувствовать себя в ней чужаком, то теперь ему пришлось бежать, чтобы спасти жизнь. Он потерял любимого человека.

Стемповский оказался в изгнании, среди чужих. И в этой ситуации немоты он старается что-то сказать, заговорить. Он ищет слова, которые могли бы доставить радость тени. «*To please a shadow*» — так Иосиф Бродский озаглавил написанный уже по-английски очерк памяти Одена, желая порадовать тень, и потому выбрал новый, чужой язык, который был языком восхищавшего его замечательного поэта. Стемповский стоял перед принятием решений, наверное еще более радикальных. Оба вели поиски нового языка, этого требовала эмигрантская литература XX века, если ей предстояло обрести свободу и силу голоса. Стемповский отлично понимал это. Он сам, как всегда, замечательно, определил эту ситуацию, когда в очерке «После наводнения» так представлял вызовы, бросаемые пишущим: «Когда злободневность известной моды проходит, литературные журналы и витрины книжных магазинов напоминают местность, по которой прошло наводнение. Серая масса липкого и отслаивающегося на солнце ила покрывает все. Трудно сразу догадаться, где еще неделю назад стояли белые и оранжевые стены домов, цветочные грядки, группы кустов и где журчал по камням ручей. Возвращение к старому, равно как

и переход к чему-то новому, требует усилия воображения». И дальше Стемповский четко определяет нынешнюю ситуацию литературы (шире — культуры): «Все мы — пишущие и молчащие — ищем слова, необходимые для установления контакта с миром, который изменился вокруг нас и перерос наш прежний запас терминов и понятий. Все мы знаем, что не завоюем его никакой красивой фразой, не отгородимся от него никакой дымовой завесой вымысла, что мы должны принять его к сведению

и для его описания нам необходим язык точный, дельный, ясный, соответствующий нашему опыту».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

С некоторых пор в различных статьях и рецензиях, посвященных новейшей польской прозе, возвращается вопрос ее «ангажированности» в современные социальные проблемы. Не подлежит сомнению, что книг, которые можно было бы зачислить в категорию таких произведений, в последнее время появляется все больше. Большею частью это романы, авторы которых родились в 1970-е годы, такие, как Войцех Кучок, чей роман «Навоз» критика приняла необычайно доброжелательно, или Мариуш Сеневич, описывающий в «Четвертом небе» упадок провинциального города, либо чуть постарше, таких, как Анджей Хорубала и Цезарий Михальский, авторы политических романов, вокруг которых идут бурные споры. Поэтому не удивительно, что краковская «Декада литерацка» (2004, №1) посвятила свой последний номер «ангажированной литературе», но в то же время снабдила этот термин на первой странице вопросительным знаком. Возможно ли еще такое явление, как «ангажированная литература»? Можно ли еще осмысленно — после опыта соцреализма — использовать эту категорию?

В статье «Ангажированные и постсовременные» Кшиштоф Униловский пишет о характере кризиса литературы:

«Если к современной литературе можно отнести слово «кризис», то не столько к ней самой, сколько, может быть, чтобы обозначить ситуацию, в которой литература оказалась. Таким образом, лучше говорить о кризисе институтов или легитимности, но ни в коем случае — о художественном. Проявление кризиса институтов — это, конечно, прогрессирующая маргинализация литературного творчества, вытеснение его на окраины публичной жизни. Поэт, прозаик или критик говорят все тише, во всяком случае — их меньше слышат. (...) Власть и авторитет литературы выросли из убеждения, что произведения писателей способны сказать нечто существенное о поляках. Но если в 90-е годы эта власть и этот престиж улетучились, словно сон золотой, то не потому же, что писатели в один прекрасный день утратили прежние способности. Когда не стало объединяющих факторов, распалось и множество, составлявшее для литературы точку

отсчета. Для нас перестал существовать эпифеномен польской судьбы, польского исторического опыта, польского склада ума или польского национального самосознания. Всякое потенциальное представление о судьбе, опыте, складе ума или национальном самосознании стало выглядеть сомнительным постольку, поскольку инспирировало выражать польский дух. Легче было бы уже померяться с судьбой, опытом, складом ума или самосознанием современного человека, чем поляка».

Одновременно произошло исчезновение центра:

«...исчез «командный центр», потому что исчез тот, кого он представлял, — читатель-интеллигент. В 90-е годы было подорвано положение гуманитарной интеллигенции. (...) Пока что никто другой не занял того места, откуда выжит читатель-интеллигент. Поэтому институциональный кризис соединяется еще и с трудностями легитимизации, которые вытекают из отсутствия идеи, поддерживающей существование литературной жизни. Возможны исключительно «локальные» и временные обоснования — начиная с «некоторые любят поэзию» [слова Шимборской], включая идею узких общин, создаваемых по принципу принадлежности к одному и тому же кругу или поколению, и кончая представлением писательства как своеобразной лаборатории современной культуры, где с помощью новейшей художественной технологии испытываются специализированные вопросы и теоретические проблемы. Не без злорадства можно было бы заметить, что наша литература, официально отрекшаяся от постмодернизма, по уши сидит в ловушке постсовременного состояния. И трудно ожидать, что вернутся старые добрые времена, когда было более или менее известно, чему служат стихи, рассказы и романы».

В 90-е годы, пишет Униловский, производились попытки преодолеть этот кризис:

«Между тем в конце минувшего десятилетия раздалась громкие требования реализма, что, разумеется, было связано с попыткой вернуться к традиционному пониманию задач и функций литературы, особенно художественной прозы. (...) Таким образом, призыв изображать мир или судить его по справедливости был под конец 90-х прежде всего своего рода антипостмодернистской реакцией. Он был ответом на предполагаемую скуку литературы, которая из пустоты или цинизма соглашается быть несущественной. Реализма (современного) требовали писатели, критики и публицисты из разных идейных лагерей. (...) Может быть, только добавим, что

этот «общо понимаемый традиционализм» вырос из привязанности к былому интеллигентскому кодексу. (...) Так или иначе, призывы к реализму сталкиваются с обвинением в анахроничности. Ибо стоит ли лелеять былое понимание литературы при отсутствии интеллигентского читателя и надежд на его возвращение? (...) Призыв изображать мир нашего времени был лишен максимализма и героизма, некогда сопутствовавших писательским трудам».

Разобрав несколько романов, где сделана попытка возвращения к реалистическому способу мировосприятия, Униловский обращает внимание на то, что картины действительности в этих произведениях не столько отражают положение дел, сколько запутываются в языковых схемах истолкования:

«Что собственно изображают все эти романы и рассказы, которые (...) лишь на вид говорят о новейшей истории либо о современной Польше? Создают видимость истории и современности? А может быть, изображают действительную видимость этой истории и этой современности? (...) От прежнего реализма эту литературу отличает удвоение (умножение) представления — присутствие как таковое «до конца» остается в кавычках. Если мир для нас — функция познавательных операций, то литература изображает его не с помощью одного лишь эффекта иллюзии, но только тогда, когда представляет сам этот эффект как условие собственного процесса изображения. (...) К реализму и изображению можно, таким образом, прийти кружным путем, через обновленный в литературе постмодернистский иллюзионизм. И, быть может, этот кружной путь — сегодня единственный».

Так или иначе, по мнению Униловского, литература уже не может притворяться, что она есть «прямой» рассказ, обычный отчет о действительности, не может также отказаться от сознания своей «искусственности», от сознания художественных правил, которые она применяет.

Но в дискуссиях на темы литературы речь идет не столько о реализме, сколько об ангажированности, о чувствительности к общественным делам.

«Конечно, — пишет Униловский, — не существует никакого однородного, связного комплекса причин или намерений, которыми можно было бы объяснить недавнюю карьеру категории ангажированности в мирке молодых литераторов. (...) Можно догадываться, что иногда дело состоит просто в попытке использовать сложившуюся конъюнктуру. (...) Поворот к новейшей истории мог бы позволить молодым

неизвестным автором обрести читателей. Можно, однако, усомниться, действительно ли таков рецепт успеха».

Обращая внимание на тот факт, что постмодернизм в польской литературе не прижился, автор статьи одновременно подчеркивает, что тем не менее от постмодернистского сознания не избавиться:

«Трудность в том, что для того, чтобы переместиться из постсовременности в современность, нужна либо необычайная сила воображения, либо «повозка» времени. (...) Нелегкий совет, но как-то надо поженить нашу постсовременность с необходимостью ангажированности. (...) От кавычек никуда не убежишь. Новейшая проза бывает интересной как раз тогда, когда отдает себе отчет в подрывающих ее противоречиях. Неверие в собственный бунт, в свое критическое слово или познавательные возможности вытекает прежде всего из неуверенности в статусе мира. Как всегда, так и на этот раз вызов бросает действительность, конкретно — он порождается ощущением ее недостоверности, размножения и умножения, опосредованности и включенности в средства массовой информации. Старая истина гласит, что, когда нельзя разделить информацию и средство информации, факты и события превращаются в истолкования».

Осознать этот факт не равнозначно тому, чтобы отбросить постулаты реализма и ангажированности литературы — да только это уже не тот реализм и не та ангажированность, что когда-то:

«Ибо самое худшее, что может приключиться — пишет в заключение Униловский, — — это удобная иллюзия, будто ничего не изменилось и ангажированность сегодняшней прозы ничем не отличается от ангажированности если не Жеромского, то Конвицкого. А так с кризисом справиться нелегко (...). Так можно лишь бежать от него».

Что же, бегство — тоже своего рода попытка справиться с кризисом: иногда в этом выражается сомнение в правомочности самого диагноза. Мир меняется, это правда, но — несмотря на все утверждения эмиссаров постмодернизма и постсовременности — не настолько, чтобы перестать быть самим собой. Это, думаю, по-прежнему старый добрый мир, который знали еще древние. Можно использовать в его описании новые методы, можно сознавать, что мы включены в информационный шум СМИ, — однако это не изменяет того факта, что люди в этом мире, не так уж отличающиеся от героев Жеромского и Конвицкого, вынуждены жить и

справляться со своим, пожалуй, не наилучшим состоянием. Любопытно, однако, выглядит этот террор теоретиков постсовременности, внушающих себе и широким массам, что мир стал принципиально иным и что принципиально иным стало наше человеческое сознание. Нет, не стали. Зато остается фактом, что молодая польская проза все чаще интересуется способом повествования больше, нежели попыткой диагноза состояния нашей жизни. А вмещается ли это в «постсовременный» подход? Обычных читателей ответ на этот вопрос мало интересует. Кстати, предполагаю, что и большинство самих писателей — тоже.

Но это не отменяет факта драматических переломов, происходящих в культуре. Один из них стал предметом интересной статьи Веслава Мысливского «Конец крестьянской культуры», помещенной в апрельском номере варшавского журнала «Творчость» (2004, №4). Автор пишет:

«Вначале — констатация, а может быть, даже провокация. Польский интеллигент, за редкими исключениями, мало что знает о крестьянской культуре и никогда не хотел знать больше. (...) Во многих странах, где крестьянская культура составляла естественный, постоянный приток национальной культуры, а часто и определяла ее характер, крестьянское наследие в сознании общества было ее естественным компонентом. В Польше (...) эта культура вплоть до своих последних дней оставалась на обочине, неопознанная, униженная, часто фальсифицированная или идеологизированная, для многих экзотическая, для некоторых — просто не существующая. (...) На пути немногочисленных попыток постичь истинные залежи этой культуры препятствием становилась невозможность оторваться от представления о крестьянине лишь в коллективном, социальном плане — как о характерном, типичном элементе этого плана. Крестьянина не умели увидеть как человека с его индивидуальным, экзистенциальным аспектом, естественно, остающегося, как всякий индивид в этом мире, в детерминирующих отношениях с коллективом, в котором он живет, который влияет на то, как он делает выбор и каким образом себя ведет, со средой, в которой он рождается и умирает».

В описании специфики этой культуры, исчезающей в процессе цивилизационных перемен, Мысливский придает особое значение месту:

«По своей природе крестьянская культура была культурой быта и культурой места, замкнутой в кругу: человек — земля — природа. Мотивировкой существования было только жить

дальше и выжить. Время исчислялось родом работ, временами года, праздниками и сменой поколений. Физическое пространство ограничивалось своим двором, своей деревней, приходом и ближайшим городком. Это не значит, что крестьяне не странствовали, но это происходило главным образом тогда, когда их забирали в ту или иную армию; иногда они странствовали в поисках свободы, намного чаще — хлеба, хотя, случалось, добирались и до Святой Земли. Крестьянские рассказы об этих вылазках в мир, устные или записанные, поражают — и не только необычайными обстоятельствами, нередко им сопутствовавшими, но прежде всего описаниями этого мира, тем, как воспринимали его люди, иногда целыми поколениями не оставлявшие своих гнезд. (...) Обычно же крестьяне со времен далеких предков жили на одном и том же месте, под одним и тем же небом, вынужденно или по добровольной привязанности, глубоко вросши корням и в свое достойное жалости бытие, наследуемое и передаваемое дальше, в то скупое пространство окрестного пейзажа, за которым расстился едва угадываемый мир, мир ненадежный, возбуждающий боязнь, и одновременно стимулирующий воображение. Этот неизвестный мир как противовес замкнутому, ограниченному пространству существования — частый мотив крестьянских повествований, нередко насыщенный фантастическим или прямо чудесным. Устойчивость места, где свершалась человеческая жизнь от рождения до смерти, места, утоптанного поколениями и охраняемого памятью поколений, — один из основополагающих знаков крестьянской культуры. (...) Сознания искусства как такового в этой культуре не было. Все делалось с мыслью о пользе, в том числе и искусство. Польза была первым принципом любой человеческой деятельности. Это была культура экономическая и одновременно экономная. В ней не пропала даром ни одна мечта, ни одно предостережение, ни одно предчувствие. Все что-то значило для человека. И при всей своей проникнутости трагизмом, она благоговейно относилась к дару существования».

Думаю, что этот плач по уходящей культуре заслуживает раздумья. В особенности при сопоставлении с вышецитированным постмодернистским дискурсом, где искусство, правда, сознаёт себя как таковое, но пользы с этого — кот наплакал, а человека в этом мире приходится искать днем с огнем.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• День вступления Польши в Европейский союз ознаменовался участием поляков в разнообразных мероприятиях: общедоступных и закрытых, массовых и элитарных. Почти везде звучал гимн объединенной Европы, бетховенско-шиллеровская «Ода к радости». А 3 мая «Ода к радости» была исполнена на открытии организованного Варшавской камерной оперой музыкального сезона объединенной Европы, во время которого зрителям будет представлено 25 программ, посвященных всем странам Евросоюза (см. об этом подробнее в статье Катажины К. Гардзины). «Хорошо бы вспомнить, — сказал в этой связи директор ВКО Стефан Сутковский, — что объединенная Европа — это не только политические и экономические дискуссии и непрестанные споры о деньгах, но и искусство — наследие многих столетий. Оно играло и продолжает играть важную роль. Европейской культурой проникнут весь мир, в том числе и величайшие народы, которые могут гордиться собственными достижениями». Для открытия сезона было выбрано произведение «Te Deum laudamus», которое итальянец Джованни Паизиелло подарил последнему королю Польши. Оно было исполнено в годовщину принятия конституции 3 мая — теперь это польский национальный праздник.

• На завершившейся в Кракове двухдневной конференции министры культуры Вышеградской группы (Венгрии, Польши, Словакии и Чехии) обсудили положение культуры после вступления этих стран в Евросоюз. Результатом стало подписание соглашения о создании общего фонда культуры, а также нескольких частных постановлений — например, о создании Вышеградской библиотеки или о сотрудничестве в аудиовизуальной области.

• Оркестр «Sinfonia Varsovia» отмечает свое 20-летие. Творчество оркестра неразрывно связано с именем Иегуди Менухина, под управлением которого «Sinfonia Varsovia» сыграла свой первый концерт. Впоследствии Менухин стал главным приглашенным дирижером оркестра. «Никогда работа ни с каким другим оркестром не приносила мне столько удовлетворения», — признался в свое время великий скрипач

и дирижер. После Менухина эстафету принял знаменитый аргентинский тенор Хосе Кура, а в 2003 г. художественным директором оркестра стал Кшиштоф Пендерецкий. Уже 20 лет «Sinfonia Varsovia» играет роль посла польской культуры во всем мире.

- «Цепь» — так называется цикл концертов, организованных в первые дни мая в варшавском Уяздовском замке Обществом им. Лютославского. Концерты задуманы как центральное мероприятие Года Лютославского.

- Новым спектаклем под названием «Гелокане» отметил 50-летие своего существования ансамбль песни и пляски «Шлёнск» («Силезия»). Название спектакля происходит от одноименного произведения Станислава Хадыны, создателя и многолетнего директора ансамбля. Спектакль задуман как красочное описание гуральского фольклора Силезских и Живецких Бескид, Подгалья и Спиша. «Кроме того мы включили в него картину «Любовь на поляне» с буйными словацкими танцами. Мы хотим показать, как много общего можно найти в фольклоре по обе стороны Татр: и у тех и у других гуралей были общие предки, ведущие свой род от пастушеских племен Валахии», — говорит нынешний директор «Шлёнска» Ежи Вуйчик.

- XXV Смотр актерской песни, прошедший в мае во Вроцлаве, уже снискал себе славу переломного. «Решение жюри, — написал рецензент газеты «Жечпосполита», — стало отражением всего конкурса, который существенно отличался от прежних (...) Почти никто из финалистов не обратился к традиционному в таких случаях репертуару. Исполнители, среди которых было немало студентов, не связанных с театром, выбирали произведения авторов из разных стран, представляющих самые разные музыкальные течения. Чаще, чем в прежние годы, они пели песни на собственную музыку и слова». Несомненным победителем конкурса, лауреатом Гран-при и нескольких других премий стал Петр Рогуцкий, 26-летний актер, рок-музыкант и автор текстов. Он исполнил «Underground» Тома Уэйтса и песню собственного сочинения «Сто тысяч одинаковых городов». Гала-концерт был посвящен творчеству Северина Краевского. Спектакль под названием «Держись за свои тучи» восхитил своей поэтичностью, юмором и легкостью. Однако главным событием фестиваля стал концерт «Галерея», составленный из песен недавно скончавшегося Яцека Качмарско-го. Концерт показал нам иного Качмарского — не барда «Солидарности» или равнодушного комментатора политической современности,

но поэта, для которого одним из главных источников вдохновения была живопись.

- В Гданьском издательстве «Тауэр Пресс» вышел сборник стихов Яцека Качмарского «Тоннель». Это уже не те стихи-песни, услышав которые «можно было сказать, что какой-то артист говорит на моем языке (...) К ним я мог обратиться собственную потребность в восхищении, чувствуя, что мне попался кумир, являющий собой лучшие традиции мысли и стихосложения, — пишет Ярослав Миколаевский. — Слушая его, я раз и навсегда понял, что значит иметь своего поэта, барда своего поколения».

- «Очень немногие из так называемых серьезных поэтов отваживаются сегодня писать стихи, на которые можно было бы сочинить песню. И наоборот — очень редко можно услышать песню, слова которой достойны звания настоящей поэзии (...) Истинным поэтом песни был недавно умерший Еремий Пшибора. Истинной поэтессой песни показала себя Эва Липская», — пишет рецензентка «Газеты выборчей». Сборник Эвы Липской под заглавием «Стихи к песням. Сердца на велосипедах» выпустило «Выдавництво литерацке» («Литературное издательство»). К книге прилагается компакт-диск с песнями на слова поэтессы в исполнении Анны Шалапак. Это настоящее пиршество для любителей хорошей поэзии и хороших песен.

- «В своей последней книге «Исключительно длинная линия», — пишет Тадеуш Соболевский, — Ханна Краль возвращается к такой простой и уверенной форме повествования, как в прежних репортажах, как в книге «Обогнать Господа Бога». Стиль повествования не заслоняет собой реальности. Идея «писать о Катастрофе» не заслоняет собой бескорыстного описания жизненных деталей, подлинных людей, которые жили в этом месте и уже хотя бы по одной этой причине достойны рассказа. Нечеловеческая смерть представлена здесь по соседству с другими, человеческими смертями. Польская и еврейская жизнь, христианский и еврейский Бог, еврейская и польская смерть — все это соединяется в единое неразрывное целое, как квартиры одного дома». Герои «Исключительно длинной линии» — это владельцы старинного люблинского дома Францишка и Марек Арнштейны, еврейская младопольская поэтесса и ее муж-врач, а также множество других людей, которые когда-то жили в этом доме, приходили в него, нашли в нем смерть. Одним из самых важных персонажей становится друживший с Францишкой Арнштейн «блестящий

молодой поэт», авангардный критик Юзеф Чехович, погибший от немецкой бомбы в первые дни войны.

- «Последнюю книгу Стефана Хвина «Страницы из дневника» можно читать по-разному: как автобиографическую исповедь, путеводитель по местам и темам, близким писателю, и, наконец, ради чистого эссеистического удовольствия, ибо (...) автора, как мало кого из современных прозаиков, отличает цельный, укорененный в традиции и в то же время узнаваемый тон», — пишет Мариуш Чубай в «Политике». «Эта книга непредсказуема, — добавляет критик «Газеты выборчей» Пшемислав Чаплинский. — Смещение форм, жанров и тем успешно препятствует отысканию единого ключа или тезиса. Разнообразие этой книги прекрасно подчеркивает принцип контрапункта: случается, что в одном эссе писатель намеренно сопоставляет противоречащие друг другу аргументы, иронически ставит под сомнение собственные мнения, опровергает концовкой вступление».

- Убеленный сединами нобелевский лауреат Чеслав Милош, к счастью для читателя, все еще не дает о себе забыть. В двух краковских издательствах только что вышли в свет его новые книги. Одна из них называется «Литературная кладовка». По словам рецензента, эта книга «касается тем, которые обычно не попадают в энциклопедии и лексиконы. Из все новых и новых эпизодов складывается если не полный образ [межвоенного] двадцатилетия (этот период описывается в большинстве очерков), то по крайней мере его отчетливый запах и атмосфера. Книга дает уникальные знания на грани сплетни, часто рассказывает о том, что ускользнуло из описаний и осталось только в памяти. Таких знаний не даст даже тщательное изучение довоенных газет и хроник». Вторая книга, озаглавленная «О путешествиях во времени», — «это захватывающий портрет современности, — пишет Цезарий Поляк. — Это и рассказ автора о самом себе. Милош пишет отстранение, без обиняков оценивает свои прежние решения. Он не обеляет, но и не осуждает (...) Наконец, это поэтическое свидетельство примирения с миром поэта и мудреца, пережившего большинство своих ровесников».

- В списках бестселлеров первое место занимают сразу три романа Катажины Грохоли, за которыми следует сборник рассказов Иоанны Щепковской «Эпизоды из жизни зеркала» и роман Ежи Пильха «Город терзаний». В категории документальной литературы на первом месте продолжает удерживаться книга Томаша Лиса «Что происходит с этой Польшей?», а на второе выдвинулась беседа с политиком

«Гражданской платформы» Яном Рокитой под заглавием «Алфавит Рокиты». На третьем месте — скромная книжечка Лешека Колаковского «Мини-лекции о макси-проблемах», частично публиковавшаяся ранее в печати, а частично представленная по телевидению. Тем временем на рынке уже появилась следующая книга великого мыслителя «О чем спрашивают нас философы?». На этот раз Колаковский опубликовал конспекты своих телевизионных лекций, в которых он самым доступным образом знакомил телезрителей с идеями величайших философов прошлого, начиная с античных мудрецов и кончая... — цикл передач еще не закончен: как раз недавно Колаковский записал в Варшаве десять очередных бесед. Вероятно, со временем они тоже будут изданы в виде книги. Однако, как пишет Марек Радзивон, «в этих маленьких эффектных лекциях важно не только то, что говорит Колаковский, но и то, как он это говорит. Это тот редкий случай, когда телепрограмма имеет преимущество перед книгой, ибо философ — рассказчик и мудрый, и колоритный».

- В этом году почетным гостем завершившейся в Варшаве 49-й Международной книжной ярмарки была Россия. Огромные площади, выкупленные российскими фирмами, около 100 тыс. российских издательств, несколько десятков писателей (в т.ч. очень популярные в Польше Виктор Ерофеев и Александр Яковлев) — все это способствовало успеху. Делегацию России принял президент Александр Квасневский, российские писатели побывали в польском ПЕН-Клубе, состоялось множество встреч и конференций. О дискуссиях и встречах, немаловажных для будущего наших взаимоотношений, мы расскажем в следующем номере. Не впервые в международных отношениях культура опережает политику.

- Свое 15-летие торжественно отметила «Газета wyborcza» — первая независимая газета в коммунистическом лагере, поначалу выходившая с логотипом «Солидарности». В первых номерах было всего по несколько страниц, и достать их было крайне трудно. Сегодня «Газета» — крупное, влиятельное издание, без которого уже невозможно представить себе польский рынок печати, а ее редактор Адам Михник — один из самых заметных участников польской общественной жизни. И несмотря на некоторые пертурбации на рынке газета чувствует себя вполне неплохо: в последнее время количество продаваемых экземпляров снова начало расти.

- Между тем за спиной у «Газеты» борьба за рынок перенеслась из киосков в суд. Издатель «Супер-экспресса» подал в суд на

первую на нашем рынке классическую бульварную газету «Факт», издаваемую концерном Шпрингера, обвинив ее в недобросовестной конкуренции. Сначала «Факт» был обвинен в демпинге, в результате чего ему пришлось повысить цену; теперь же речь идет о недобросовестной рекламе.

- Десятисерийный документальный фильм «Алфавит мафии» стал первой попыткой описать жизнь «гангстерской Польши». Создатели сериала, режиссеры независимого телевидения ТВН Артур Ковалевский и Лидия Казен, а также корреспондент журнала «Политика» Петр Пытляковский, провели детальное расследование, на базе которого составили портреты мафиозных боссов. Это необыкновенный рассказ, в котором, среди прочего, использованы материалы из частных архивов гангстеров.

- В годовщину восстания в варшавском гетто Польское телевидение показало фильм Михала Неканды-Трепки «Ложечка жизни». Героиня фильма — Ирена Сандлер, которая во время войны была заведующей детским сектором организации «Жегота». Вместе с десятью помощницами она спасала жизнь еврейским детям, выводя их с согласия родителей из гетто и отдавая под опеку приемных родителей. «Мой отец, — говорит Ирена Сандлер, — всегда повторял мне два правила. Во первых, люди делятся на хороших и плохих, а не по расовому, религиозному или национальному признаку. Во-вторых, если человек тонет, ему надо протянуть руку». Половину спасенных в Польше во время войны еврейских детей удалось спасти благодаря пани Ирене.

- В Варшаве прошел первый международный кинофестиваль «Еврейские мотивы». Из 300 присланных фильмов на конкурсном просмотре было показано 60. Фильмы рассказывали о сложных человеческих судьбах, о войне и послевоенных драмах, а также о современности — тоже бурной, беспокойной, нетерпимой, жестокой. Описаний счастливой жизни было не много. Золотой варшавский «Феникс» был присужден картине Оре-на Рудавского и Менахема Даума «Игра в прятки». «Этот полнометражный документальный фильм, — написал рецензент, — словно некая скрепка соединяет трагедии военного времени с современностью (...) Коротко говоря, это фильм об искренних признаниях, о благодарности и непридуманном примирении». Премию им. Антония Мариановича за лучший польский фильм получил Михал Неканда-Трепка («Последний свидетель»), а премию стокгольмского Международного форума культуры — россиянин Владимир Двинский («Жила-была Одесса»).

- В этом году перед профессорами, приехавшими в Краков на Тишнеровские дни, стояла трудная задача: темой дискуссии была любовь. «Дни» уже начинают жить своей жизнью. В них все меньше воспоминаний, а все больше размышлений о ценностях и образе мыслей умершего в 2000 г. о. Юзефа Тишнера. В очередной раз были присуждены премии им. Юзефа Тишнера. В категории религиозной литературы премии удостоился профессор о. Томаш Венцлавский за книгу «Царствие Божие. Два объяснения символа веры Церкви», а в категории «публицистика или эссе на общественные темы» — Виктор Осятынский за книгу «Рехаб». Сестры Савицкие получили премию за содержание в Кракове кухни для бедных.

- 1 мая на брюссельских торжествах по случаю вступления в ЕС новых членов Польшу представлял первый председатель «Солидарности», бывший президент Лех Валенса. В этот же день по I программе Польского телевидения был показан часовой фильм режиссера и сценариста Адама Кинашевского, посвященный этой необыкновенной личности, не поддающейся никаким простым обобщениям. «Я бы хотел, чтобы кто-нибудь меня понял», — говорит в фильме Валенса. «Бывший вождь «Солидарности», бывший президент, бывший политик и в то же время... очень одинокий человек», — пишет о фильме и его герое Кристина Любельская.